

A movie poster featuring a man and a woman in a clinical or laboratory setting. The man, on the left, has dark, wavy hair and a beard, with a blue, scaly texture on his cheek. He is wearing a dark, ornate leather jacket. The woman, on the right, has dark hair tied in a bun and is wearing a white lab coat over a dark top. She is wearing white gloves and has a stethoscope around her neck. She is gently touching the man's chin. The background shows a window with a view of a city and a body of water. The text is in Russian.

СИЯ НИК

ВЕТЕРИНАР
— для Его —
ЧЕШУЙЧАТОГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Сия Ник

**Ветеринар для Его
Чешуйчатого Величества**

«Литнет»

2026

Ник С.

Ветеринар для Его Чешуйчатого Величества / С. Ник —
«Литнет», 2026

Когда твой первый пациент в новом мире — умирающий император-дракон, скучно точно не будет. Вера Колосова — ветеринар из Владивостока, двадцать девять лет, профессионал до мозга костей и язва редкого качества. Она привыкла к сложным пациентам: к попугаям-невротикам, к сервалам с характером, к хозяевам, которые кормят кошек луком и удивляются, что животное умирает. К чему она не была готова — это вынырнуть после шторма в чужом океане, попасть на остров, которого нет на карте, и узнать, что её ждут. Её ждёт Аэдрис Глубинный — двадцать третий император Лазурного Двора, владыка Семи Течений, дракон четырёмсот двенадцати лет от роду. Он умирает уже год. Придворные маги называют это проклятием. Вера, едва увидев чешую под его рукавом, называет это иначе: грибок. Самый обычный, рядовой, заурядный микоз. Лечится плесневым хлебом и серными ваннами. Если, конечно, ей разрешат прикоснуться к его величеству и не казнят за варварство. В мире летающих мант, перламутровых жемчужин и поющей магии разворачивается история о женщине, которая привыкла лечить, и о драконе, который привык умирать. И о том, что иногда океан приносит на берег именно то, что нужно — просто не то, что ждали. Что внутри:— ХЭ— дракон-император— экзотический морской мир: архипелаг из семи островов, гигантские манты вместо лошадей, маги, поющие заклинания — придворные интриги, заговор и яркая старуха с языком-бритвой— юмор, который рождается из столкновения российской прагматики с тысячелетними традициями

Книга про Налани Тарро:Навинка#попаданка
#дракон #любовноефэнтези #истиннаяпара #юмористическоефэнтези
#магическийморскоймир #цикл #императордракон #попаданкаидракон
#экзотическоефэнтези

© Ник С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Не та лагуна	8
Глава 2. Путь к Императору	13
Глава 3. Дева из пророчества	18
Глава 4. Варварские методы	28
Глава 5. Осмотр	39
Глава 6. Первый разговор	50
Глава 7. Покушение	55
Глава 8. Жемчужина	57
Глава 9. Кай’ри	68
Глава 10. Разговор о важном	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пролог

Аэдрис Глубинный, двадцать третий император Лазурного Двора и владыка Семи Течений, стоял на балконе своих покоев и смотрел, как умирает ночь.

Океан под ним был чёрный и тихий, как уставшее сердце. Где-то далеко, у западного рифа, мерцали огни рыбацких лодок — крошечные жёлтые точки, по которым он привык считать часы до рассвета. Сегодня их было меньше, чем обычно. Или ему так казалось — в последнее время он плохо различал, что происходит на самом деле, а что лишь кажется его уставшим глазам.

Под кожей чесалось. Не на коже — глубже. Там, где под человеческой формой пряталась чешуя, что-то ело его медленно и методично, по миллиметру в сутки. Маги называли это «гнилью». Он называл это «концом». Разница была невелика и, в общем, не имела значения.

Четыреста двенадцать лет. Дольше, чем правил его отец. Дольше, чем правил отец его отца. Достаточно, чтобы увидеть, как меняется очертание любимого пляжа после трёх больших штормов; как вырастают и умирают шесть поколений придворных; как одна и та же женщина из Дома Серебряного Течения сначала была его невестой, потом его врагом, потом старухой, которой он лично закрыл глаза. Достаточно, чтобы перестать удивляться чему-либо. Кроме, разве что, того, что умирать оказалось так буднично.

Он провёл рукой по перилам. Под ладонью — гладкий перламутр, отполированный поколениями ладоней до тёплого блеска. Балкон был построен ещё при его деде. Дед умер во сне, в восемьсот сорок лет, окружённый шестнадцатью детьми и тремя жёнами. Аэдрис подозревал, что у него самого получится менее живописно.

— Ваше Величество.

Голос за спиной он узнал, не оборачиваясь. Айри, его старшая служанка, единственная, кому он позволял видеть его в этот час. Она прожила при нём шестьдесят лет и научилась входить в его покои так, чтобы не нарушать тишины.

— Лорд Веран снова просит аудиенции.

— Утром.

— Он просит с заката, Ваше Величество.

— Тогда тем более утром.

Он слышал, как она кланяется. Слышал, как тихо отступает к двери. И всё же добавил, прежде чем она вышла:

— Айри.

— Да, Ваше Величество.

— Если я не проснусь —пусти его первым. Пусть насладится зрелищем.

Она ничего не ответила. Он не оборачивался, но знал, что она поджала губы — единственный знак неодобрения, который она себе позволяла за шесть десятилетий. Дверь закрылась беззвучно.

Аэдрис усмехнулся в темноту. Шутка была дурного вкуса. Но он, кажется, заслужил право на дурной вкус — в конце концов, умирающий император имеет некоторые привилегии.

Боль под рёбрами прошла волной — острая, короткая, знакомая. Он подождал, пока она схлынет, и пошёл к ложу.

Спальня пахла солью и тлеющим жасмином. На столике у изголовья стоял кубок с настоем — что-то новое, что приготовили придворные маги на этой неделе. Что-то старое, переименованное. Он не стал пить. За четыреста лет он научился различать настойки, которые лечат, от настоек, которые лгут. Эта лгала.

Он лёг. Полог над кроватью — лёгкий шёлк, расшитый серебряными нитями в виде течений — едва шевелился от ночного ветра. Аэдрис закрыл глаза.

И тогда увидел её.

Сначала — воду. Не свой океан, нет: другую воду, серую и холодную, с короткой злой волной. Над водой висело небо цвета свинца, и ветер пах не солью, а чем-то горьким — углём, копотью, далёкими кострами. Незнакомый берег. Чужой берег.

И женщина.

Она стояла по колено в этой чужой воде, в одежде, какой он никогда не видел: плотная синяя ткань на ногах, обтянутые тканью же руки и грудь, на ногах — странная обувь со шнуровкой. Волосы тёмные, по плечи, мокрые. Лицо — не из тех лиц, что воспевают поэты. Не красавица. Но что-то в нём было такое, что он смотрел и не мог отвести взгляд, словно она была не картинкой, а вопросом, на который он забыл ответ.

Она его не видела. Она смотрела куда-то мимо — туда, где над серой водой собиралась чёрная грозовая стена. И — он понял это с холодком, пробежавшим по позвоночнику, — она знала, что эта стена идёт за ней. Она просто стояла. Не звала на помощь. Не молилась. Кажется, ругалась — он не разбирал слов, но видел движение её губ и узнавал интонацию. Так ругаются те, кто давно привык к чужой глупости больше, чем к собственному страху.

Потом она обернулась.

И посмотрела прямо на него.

Глаза у неё были серые, как эта чужая вода, и в них Аэдрис впервые за четыреста двенадцать лет увидел то, чего не видел никогда. Он не сразу понял, что именно. А когда понял, ему стало смешно — впервые за долгое время по-настоящему смешно, не из вежливости и не из горечи.

В её глазах не было страха перед ним.

Не было того ровного, привычного, отполированного веками страха, с которым на него смотрел весь его двор, все Семь Течений, вся его страна. Не было даже почтительной осторожности. Она смотрела на него так, как смотрят на... он не находил сравнения. Как на странную рыбу, всплывшую к поверхности. Как на любопытный, но непонятный случай.

«Так, — сказала она беззвучно, одними губами. — А ты ещё что такое?»

Волна за её спиной поднялась чёрной горой. Аэдрис хотел крикнуть — впервые за долгие годы хотел крикнуть кому-то «беги», — но во сне у него не было голоса. Волна обрушилась. Вода поглотила её, и берег, и серое небо, и сам сон.

Аэдрис открыл глаза.

Над ним был знакомый шёлковый полог. За окном — его океан, его, тёплый и тихий. Жасмин в курильнице догорал. До рассвета оставалось, судя по всему, около часа.

Он долго лежал, глядя в потолок и пытаясь понять, что только что произошло. Драконы не видели снов. Это знали все — драконы спали слишком глубоко и слишком плотно, их разум во сне отключался полностью, как камень. Он не видел снов четыреста двенадцать лет. Ни одного.

И вот.

Он поднялся — медленно, суставы хрустнули, болезнь напомнила о себе тупым ударом под рёбра, — и подошёл к окну. Океан был всё тот же. Чёрный. Тихий. Уставший.

Где-то там, на западе, шёл шторм. Он чувствовал это так же, как чувствовал собственную смерть — кожей, чешуёй, тем, что было глубже чешуи. Шторм шёл с запада, со стороны, где не было обитаемых земель. Шёл медленно, но уверенно.

Аэдрис впервые за много месяцев улыбнулся.

— Не торопись умирать, старик, — сказал он сам себе, тихо, по-драконьи, на языке, которого никто из ныне живущих во дворце не знал. — Кажется, океан что-то тебе несёт.

Глава 1. Не та лагуна

Последнее, что Вера Колосова помнила перед концом своей нормальной жизни, — это лицо мужика, который травил её клиентскую кошку.

Не специально, конечно. Мужик травил её хорошо. Кормил с любовью, два раза в день, говяжьим фаршем с собственного огорода, посыпанным луком для запаха. Лук кошкам нельзя — у них развивается гемолитическая анемия. Мужик этого не знал. Кошка умирала медленно и красиво, прямо у него на руках, а он плакал на приёме и спрашивал, что он сделал не так.

Вера сказала ему. Аккуратно, но сказала. Мужик в ответ обозвал её бессердечной сукой и хлопнул дверью так, что задрожали витрины с препаратами.

Это было в пятницу. В субботу она поехала на пароме в Находку, потому что подруга позвала на день рождения, а Вере нужно было хоть куда-нибудь уехать из города, где её называли бессердечной сукой за то, что она говорила правду. В воскресенье паром попал в шторм. В понедельник её должны были искать.

В понедельник, скорее всего, её уже искали. Просто не в той лагуне.

Лагуна была тёплая.

Это было первое, что Вера осознала, когда вынырнула. Вода — тёплая, почти горячая, как чай, который остыл ровно настолько, чтобы можно было пить. Над головой — небо невозможного голубого цвета, такого, какого над Японским морем не бывает в принципе, даже в августе, даже после самого ясного шторма. И запах. Запах был неправильный. Соль, конечно, была. Но к соли примешивалось что-то цветочное, тёплое, незнакомое — как если бы кто-то разлил парфюм над океаном.

Вера выплюнула воду. Подождала, пока перестанет звенеть в ушах. Огляделась.

Лагуна была круглая, как тарелка, окружённая белым песком, за которым стеной поднимался лес — но лес тоже был неправильный, с какими-то широкими листьями размером с автомобильный капот и стволами, обмотанными розовыми цветами. На горизонте, далеко-далеко, поднимались горы. Не сопки. Горы. Острые, синие, в дымке.

— Это не Находка, — сказала Вера вслух, очень спокойно. — Это вообще не Россия.

Голос у неё был хриплый. В горле скребло от соли. Она оглядела себя — джинсы, кеды, куртка, под курткой свитер. Всё было мокрое насквозь и весило, кажется, килограммов сорок.

Где-то слева кто-то закричал.

Вера медленно повернулась. По песку к ней бежали трое — мужчины, низкие, коренастые, в чём-то вроде юбок из плетёной соломы и широких рубаш. У одного в руке было копьё. У второго — сеть. У третьего — ничего, но он явно был главным, потому что орал громче всех.

Вера подняла руки. Не то чтобы это сильно помогало в её положении, но это был универсальный жест, который она использовала в клинике, когда к ней рвался агрессивный ротвейлер.

— Спокойно, — сказала она. — Я мирный человек. Я даже не понимаю, что вы говорите.

Трое подбежали и остановились в двух метрах. Тот, что орал, теперь смотрел на неё с открытым ртом и молчал. Тот, что с копьём, направил копьё ей в грудь — но как-то нерешительно, будто не был уверен, что копьё положено. Тот, что с сетью, перекрестился. По крайней мере, движение было похожее.

— Я Вера, — сказала Вера. Очень медленно. Очень внятно. — Ве-ра. Я не знаю, где я. Я упала в воду. Я не опасна.

Главный что-то быстро сказал на языке, в котором не было ни одного знакомого ей звука. Язык был певучий, с длинными гласными, как если бы они одновременно говорили и пели. Тот, что с копьём, медленно опустил копьё.

Главный показал на Веру и сказал одно слово, выделив его особо. Слово прозвучало как «Эвейра». Двое других вздохнули и тоже сказали «Эвейра», уже без вопросительной интонации, а как будто согласились.

— Я Вера, — сказала Вера ещё раз. — Не Эвейра. Просто Вера.

Главный закивал. Поднял руки в умиротворяющем жесте — точно так же, как только что делала она, — и медленно, осторожно, как будто она была не человеком, а гранатой с выдернутой чекой, поманил её за собой.

Вера встала. Колени дрожали — то ли от пережитого, то ли от того, что она простояла по пояс в воде неизвестно сколько. Песок под ногами был белый и хрустел, как сахар. Она пошла за главным. Двое других пристроились по бокам — не агрессивно, скорее как почётный караул, который не вполне понимал, что делать с тем, кого охраняет.

«Так, — сказала она себе. — Думай. Ты в шоке. Это нормально. У тебя сейчас выброс кортизола, тахикардия и расширены зрачки. Дыши. Дыши и думай.»

Думалось плохо.

За первой полосой деревьев открылась деревня. Хижины на сваях, дым над крышами, узкие лодки на берегу — длинные, как стручки, с резными носами в виде драконьих голов. Вера моргнула. Драконьих голов. Ну хорошо. Драконьих голов. В Полинезии, кажется, тоже резали драконьи головы. Может, это какая-то Полинезия. Может, шторм отнёс паром на четыре тысячи километров. За одну ночь. Без свидетелей. С пассажиром, который не утонул.

Она перестала думать в эту сторону.

В деревне всё остановилось. Женщины с горшками, дети, собаки — все замерли и смотрели. Одна женщина выронила горшок. Горшок разбился, и никто даже не повернулся на звук.

Главный из её сопровождающих закричал в сторону деревни. Из самой большой хижины вышел старик — белая борода, татуировки по всему лицу, плащ из чего-то блестящего, чешуйчатого. Старик медленно спустился по ступеням, подошёл к Вере, остановился и долго смотрел.

Потом он сказал, очень внятно, на торговом наречии Архипелага:

— Прости, дочь моря. Я не знаю твоего языка.

Вера моргнула.

Она его поняла.

То есть — она его не поняла. Она слышала чужие слова, чужой ритм, чужие гласные. Но в голове у неё одновременно появлялся смысл — как субтитры, идущие с задержкой в полсекунды. Это было настолько странное ощущение, что Вера на секунду подумала: всё, кончилось, у меня инсульт, я лежу в воде с инсультом, и сейчас я умру.

Она потрогала языком зубы. Зубы были на месте. Левая рука поднималась нормально. Лицо, кажется, не перекосило.

— Я тебя понимаю, — медленно сказала Вера. — Я говорю по-русски. Но я тебя понимаю.

Старик кивнул, как будто ничего другого и не ждал.

— Это знак, — сказал он. — Дева из пророчества должна понимать всех. Так написано.

— Я не дева из пророчества, — сказала Вера. — Я ветеринар.

Старик нахмурился — на слове «ветеринар» субтитры в голове у Веры запнулись. Видимо, слова не нашлось.

— Я лекарь, — поправилась она. — Для животных.

— Для всех животных?

— Ну, в основном для кошек и собак. Иногда хомяки. Один раз был сервал. Ах да, — она вспомнила, — попугаи. Попугаи у меня тоже были.

Старик смотрел на неё с таким выражением, какое Вера видела на лицах студентов первого курса, когда им показывали первое вскрытие. Затем он медленно повернулся к мужчинам,

которые её привели, и сказал что-то очень короткое. Те поклонились — глубоко, в пояс, чуть ли не до песка.

— Что? — спросила Вера. — Что вы сказали?

— Я сказал, — ответил старик, — что её привёл сам океан, и мы не имеем права её задерживать. Завтра на рассвете тебя отвезут в Сар-Аммат. Это сердце Архипелага. Там Лазурный Двор. Там император.

— Подождите, — сказала Вера. — Какой ещё император? Я не хочу к императору. Я хочу домой. У меня в понедельник приём. У меня кот после кастрации, его надо посмотреть, ему швы снимать.

Старик смотрел на неё долго и грустно.

— Дочь моря, — сказал он, — я не знаю, что такое «кастрация» и где это — «понедельник». Но я знаю, что император умирает. Уже год. И я знаю, что неделю назад море выбросило на берег чёрную пену — это значит, оракулы видели сны. А три дня назад младшая жрица в храме упала в транс и сказала, что придёт чужестранка из чужого мира, и пусть император её ждёт. И вот ты здесь. И ты понимаешь наш язык, которого не знаешь.

Он сделал паузу.

— Может быть, ты не дева пророчества. Может быть, я старый дурак, и завтра меня высмеют при дворе. Но если есть один шанс из ста, что ты — это ты, я не имею права тебя не отправить.

Вера села. Прямо в песок. Колени окончательно перестали её держать.

— Император, — сказала она. — Умирает.

— Уже год.

— От чего?

Старик пожал плечами.

— Маги называют это проклятием. Я называю это болезнью. Чешуя у него гниёт, дыхание короткое, силы уходят. Никто не может ничего сделать.

Вера задумалась. У неё было одно из двух ощущений, которые она хорошо знала: либо она сейчас упадёт в обморок, либо в ней просыпался профессиональный интерес. Профессиональный интерес побеждал. Это её всегда выручало в нужный момент.

— Чешуя гниёт, — повторила она. — Сухая или мокрая?

— Что?

— Гниение. Сухое или мокрое? Запах есть? Жидкость выделяется? Края язв — ровные или рваные?

Старик уставился на неё.

— Дочь моря, — медленно сказал он. — Откуда у тебя такие вопросы?

— Я же сказала. Я лекарь. Просто для животных. А император у вас, я так понимаю, не вполне человек.

— Император — дракон.

— Ну вот, — Вера развела руками. — Дракон — это рептилия. Я работала с рептилиями. У меня была черепаха с микотической инфекцией панциря, я её вылечила. Знаете, что такое микоз? Это грибок. Грибок на чешуе — это обычно грибок. Не проклятие.

Старик молчал очень долго.

Потом он сказал:

— Я думаю, тебя надо отвезти ко двору не завтра. Я думаю, тебя надо отвезти сегодня.

— Сегодня?

— Через час.

— Я ещё мокрая.

— Тебя переоденут.

— Я ничего не ела со вчерашнего дня.

— Тебя накормят в дороге.

Вера посмотрела на старика. Старик смотрел на неё с тем редким выражением, которое она видела на лицах хозяев, привёзших на приём последнюю надежду — собаку, кота, попугая, кого угодно, — когда понимали, что доктор знает, что делать. Это выражение она знала и любила больше всего на свете. Ради него она восемь лет училась и одиннадцать лет работала. Ради него она терпела клиентов, которые называли её бессердечной сукой, и зарплату, на которую нельзя было снять однокомнатную квартиру.

И вот это выражение было на лице старика с татуировками, в плаще из чешуи, на острове, которого нет на карте, в мире, который пах цветами и солью одновременно.

— Хорошо, — сказала Вера. — Везите.

Через час её одели — в свободные штаны и длинную светлую рубаху, перевязанную в талии вышитым поясом. Сапоги дали мягкие, кожаные. Волосы заплели в косу — женщина, которая её одевала, плакала всё время, пока заплетала, и Вера не решилась спросить почему. Её куртку, джинсы, кеды и свитер свернули в узел и отдали отдельно — старик сказал, что это «вещи из её мира» и они должны путешествовать с ней.

Лодка ждала на берегу. Это была не одна из тех узких лодок, что Вера видела при входе в деревню. Это было что-то побольше — длинная пирога с парусом и резным навесом посередине, под которым были подушки и низкий столик с фруктами. У руля стоял молодой мужчина с такими же татуировками, как у старика, только меньше. В носу пироги сидел ещё один — мальчик лет двенадцати, с длинной палкой.

— Гребцов нет? — спросила Вера, забираясь в лодку.

— Гребцов не надо, — сказал старик. — Тебя повезёт Манту.

— Кто?

Старик показал в воду.

Вера наклонилась через борт.

Под лодкой, в прозрачной бирюзовой воде, плыла манта. Размах крыльев — метров пять, не меньше. Тёмная спина в светлых пятнах, белое брюхо, длинный хвост. Манта поднялась почти к самой поверхности, посмотрела на Веру одним круглым тёмным глазом, и Вера готова была поклясться, что манта подмигнула.

К пироге от манти шли два толстых, плетёных из водорослей каната. Они были привязаны к носу.

— Вы серьёзно, — сказала Вера. — Вы запрягли манту.

— Манту не запрягают, — обиделся мальчик с палкой. — Манту просят. С Манту дружат. Манта согласилась.

— Манта согласилась, — повторила Вера. — Ну хорошо. Манта согласилась. Я в лодке, которую тянет манта, потому что манта согласилась. Это нормально. Это абсолютно нормально.

Старик с берега крикнул что-то на местном языке. Мальчик ударил палкой по воде — не сильно, ласково, как будто стучал в окно знакомого дома. Манта дёрнулась, канаты натянулись, пирога заскользила.

Деревня осталась позади. Лагуна осталась позади. Они вышли в открытое море — но не серое, штормовое, родное, а в это, чужое, голубое, тёплое, пахнущее цветами.

Вера легла на подушки под навесом. Закрыла глаза.

«Ладно, — сказала она себе. — Ладно. Думай. У тебя пациент. Дракон. С чешуёй. Гниющей. Год болезни. Никто не помог. Это значит — точно не острое. Это значит — хроническое. Что у нас бывает хронического на чешуе? Микозы. Бактериальные инфекции. Паразиты — клещи там всякие. Аутоиммунное. Может быть аутоиммунное, но это редкость. Что ещё? Дефицитарные состояния — авитаминоз, недостаток микроэлементов. Это можно отбросить,

если у императора нормальное питание. Хотя стоп. Что едят драконы? Я не знаю, что едят драконы. Это надо будет выяснить первым делом.»

Она открыла глаза. Над ней плыло чужое небо, и в нём, очень высоко, кружила какая-то крупная птица. Слишком крупная, чтобы быть птицей. Вера прищурилась.

У птицы был длинный хвост и перепончатые крылья.

— Это ящер, — сказала Вера в небо. — Это летающий ящер. Конечно. А я в лодке, которую тянет манта. Конечно.

Мальчик с палкой повернулся и серьёзно сказал:

— Это не ящер. Это вестник из Сар-Аммата. Он летит сказать императору, что мы плывём.

— Кому?

— Императору. Аэдрису. Аэдрису Глубинному.

Вера приподнялась на локте.

— Аэдрис, — повторила она. — Его так зовут?

— Так зовут.

— Это означает что-нибудь? Имя что-нибудь означает?

Мальчик посмотрел на неё с уважением — видимо, в его представлении вопрос был умный.

— На древнем языке, — сказал он, — это значит «тот, кто пьёт глубину». Это очень древнее имя. Так звали первого императора. И второго. И каждого пятого после них.

— Тот, кто пьёт глубину, — повторила Вера. — Романтично.

— Не романтично, — сказал мальчик. — Страшно. Это означает, что он не боится умирать.

Вера долго смотрела на мальчика. Мальчику было лет двенадцать, и он сказал это так, как будто понимал каждое слово.

— Ну да, — сказала она тихо. — Ну да. Конечно.

Она снова легла. Манта тянула пирогу ровно и плавно, ни одной лишней встряски, как будто понимала, что везёт. Над ней летел ящер. Под ней было пять тысяч километров чужого океана. На горизонте, очень далеко, постепенно проявлялась белая башня — высокая, тонкая, с золотой искрой на вершине. Сар-Аммат.

Сердце Архипелага.

Где её ждал мужчина, который не боялся умирать.

Глава 2. Путь к Императору

Манта плыла шесть часов.

Вера это знала точно, потому что у неё на запястье ещё работали часы — водонепроницаемые, дешёвые, подаренные коллегой на день рождения три года назад. Стрелки шли. Время на часах было привычное, земное. Это её утешало больше, чем имело смысл утешать.

За шесть часов она успела трижды решить, что сходит с ума. Один раз — когда из воды рядом с пирогой высунулась голова существа, которое выглядело как помесь дельфина и ребёнка, посмотрело на неё, чихнуло и ушло обратно. Мальчик с палкой объяснил, что это «малыш-морской», и они «иногда любопытничают». Второй раз — когда над пирогой пролетела стая рыб, и рыбы летели не так, как летают летучие рыбы у них дома, короткими прыжками, а по-настоящему летели, медленно махая длинными грудными плавниками, как птицы. Третий раз — когда из открытого моря в их сторону пошла гигантская тень, метров пятнадцать в длину, и Вера приподнялась посмотреть, чтобы хотя бы увидеть, что её сейчас съест, а мальчик с палкой сказал: «Не бойся, это просто посыльный кит. Он несёт почту между островами».

После третьего раза Вера перестала пугаться. Она поняла, что если будет пугаться каждой новой невозможности, у неё кончится сердце часа через два. Поэтому она просто легла на подушки и смотрела в небо. В небе плыли облака — обычные, белые, как везде. Это её тоже утешало.

В какой-то момент мальчик дал ей выпить чего-то сладкого и плотного, как сгущёнка с мёдом. Через десять минут Вера уснула.

Проснувшись она от того, что лодка перестала качаться.

Она открыла глаза. Над ней склонялась башня.

Не «башня была вдалеке». Башня была над ней. Прямо над лодкой. Она поднималась из воды — белая, гладкая, как кость, обточенная веками, — и уходила в небо так высоко, что у Веры закружилась голова. На вершине башни горело что-то золотое — не огонь, а скорее свет, ровный и тихий.

Они вошли в порт Сар-Аммата.

Порт был большой. Очень большой. Вера выросла во Владивостоке, она знала, что такое большой порт. Этот был больше.

Он был построен в три яруса. Нижний — для лодок и пирог, как у них. Средний, поднятый на каменных арках, — для крупных кораблей с парусами в форме рыбьих плавников. Верхний — для чего-то, чего она сначала не поняла. Это были широкие плоские площадки на высоте метров пятидесяти, и к ним вели какие-то полупрозрачные пандусы. Пока Вера смотрела, на одну из площадок откуда-то сверху медленно опустилось существо размером с автобус — длинное, перепончатое, серебристое. Существо сложило крылья. С его спины слезли люди.

— Это что, — спросила Вера. — Это что было?

— Это малый драк, — буднично сказал мальчик. — Грузовой. Возит специ с южных островов. Большие драки сюда не садятся, для них отдельный аэродром.

— Большие драки, — повторила Вера. — Грузовой. Аэродром.

— Ты странно повторяешь слова, — сказал мальчик. — Это нормально?

— Это нервы, — сказала Вера. — Со мной такое бывает.

Манта подвела лодку к нижнему ярусу, к мраморному пирсу, на котором их уже ждали. Ждали трое. Это были не рыбаки в плетёных юбках. Это были люди в форме.

Форма была сложная. Длинная синяя туника до колен, под ней — что-то вроде поддоспешника из голубого шёлка, на плечах — наплечники в форме чешуи, выкованные из чего-то перламутрового. На поясе — короткий меч и какая-то трубка. Сапоги до колен. На головах

— шлемы, похожие на половину раковины, перевёрнутую гребнем вверх. Двое мужчин, одна женщина. Лица — каменные.

— Ага, — тихо сказала Вера сама себе. — Гвардия. У них тут гвардия. Конечно у них тут гвардия.

Старший шагнул вперёд. Поклонился — глубоко, в пояс. Сказал:

— Дева, тебя ждут.

Это была не угроза. Не приказ. Это была констатация. Тебя ждут. С тем же интонациями диспетчер на вокзале сообщает, что поезд на Хабаровск отправляется через десять минут.

— Меня зовут Вера, — сказала Вера.

Старший посмотрел на неё с лёгким недоумением.

— Хорошо, дева Вера. Тебя ждут.

— Просто Вера. Без «девы».

— Хорошо, дева Просто-Вера.

Вера решила пока с этим не бороться.

Её провели через нижний ярус, по широкой мраморной лестнице вверх. Лестница была длинная. На каждом пролёте стояли стражники, и каждый кланялся, когда они проходили. Вера старалась не смотреть им в лица. Она боялась увидеть в этих лицах надежду. Надежду на пациента она ещё могла вынести. Надежду на чудо — нет.

Город открылся ей с верхней площадки.

Сар-Амнат лежал перед ней, как кто-то опрокинул на воду шкатулку с украшениями. Город был построен на семи скалистых островах, соединённых длинными арочными мостами. Дома — белые, с округлыми крышами цвета морской волны. Сады — на крышах, на террасах, на маленьких висячих балконах. Между домами — узкие каналы, и в каналах скользили лодки. Над городом летали те самые «малые драки», которых Вера видела в порту, и какие-то ещё, поменьше, тоже перепончатые. И повсюду, везде, как лейтмотив — вода. Фонтаны, источники, ручьи, сбегаящие по каменным жёлобам. Шум воды стоял такой ровный и постоянный, что через минуту его переставали слышать.

В центре всего этого, на самом высоком из семи островов, поднимался дворец.

Лазурный Двор.

Слово «дворец» к нему не подходило. Это была скала, вырезанная изнутри. Белая скала, увитая снаружи серебристыми и голубыми лианами, с террасами, открытыми галереями, тонкими шпилями, выроставшими из камня словно сами. С вершины скалы свисал водопад — не широкий, узкий, ленточный, — он падал прямо в город, и где-то внизу разбивался на тысячу ручьёв, которые расходились по всем семи островам.

— Это, — сказала Вера, — это очень... много.

— Это Лазурный Двор, — сказал старший гвардеец. — Сердце Архипелага. Резиденция императоров с основания Первой Династии.

— Ага, — сказала Вера. — Видно, что не вчера построили.

Гвардеец посмотрел на неё с тем же выражением, с каким на неё смотрел старик в деревне. Это выражение, видимо, было общим для всего населения Архипелага: «Что ты несёшь, чужестранка, но мы тебя терпим, потому что нам сказали».

К дворцу её повезли в крытом паланкине. Паланкин несли четверо. Вера сидела внутри, на подушках, и смотрела через узкую щель в занавеси, как мимо проплывает город. Город смотрел на паланкин. Люди останавливались. Кто-то кланялся. Кто-то крестился — или делал нечто похожее, прикладывая ладонь сначала ко лбу, потом к губам, потом к груди. Дети показывали пальцами и сразу прятались за родителей.

«Они знают, — поняла Вера. — Они уже знают, что меня везут. За шесть часов слух дошёл быстрее, чем я».

Это был не очень приятный поворот мысли.

Дворцовые ворота открылись перед паланкином беззвучно. Это были не ворота в обычном смысле — это были две створки из перламутра, тонкие, как лепестки, и Вера не поняла, как они открываются. Они просто разошлись. За воротами начался сад.

Сад был такой, какого Вера никогда не видела. Деревья росли не из земли, а из воды — у их корней были маленькие пруды, в которых плавали разноцветные рыбы. С веток свисали орхидеи, размером с детскую голову. Дорожки были вымощены тонкими плитками опала. По дорожкам ходили павлины — но не земные, а с длинными синими хохолками и хвостами, которые они держали свёрнутыми, как зонтики.

Паланкин понесли через сад. Потом — через крытую галерею с колоннами в виде застывших волн. Потом — через ещё один сад, поменьше, с одним-единственным деревом посередине. Дерево было сухое, изящное, мёртвое. Под ним сидела очень старая женщина.

Паланкин остановился.

— Поднимите её, — сказала старая женщина, не вставая. Голос у неё был сухой и точный, как царапина по стеклу. — Дайте посмотреть.

Гвардейцы помогли Вере выйти. Вера стояла перед старухой и впервые за весь день поняла, что её серьёзно изучают.

Старухе было лет восемьдесят. Может, больше. Лицо — узкое, с высокими скулами, кожа цвета слоновой кости, тонкая, как папиросная бумага. Глаза светло-серые, почти бесцветные. Волосы белые, заплетённые в десяток тонких косичек, переплетённых с серебряной проволокой. Одета она была в платье из такой тонкой ткани, что Вера сначала подумала — это туман. На шее висел медальон в форме капли.

И — самое странное — за плечами старухи, едва заметные в утреннем свете, поднимались тени. Две длинные тени, изогнутые, как будто из её спиныросло что-то, чего там нет. Вера моргнула. Тени остались.

— Здравствуйте, — сказала Вера.

— О, — сказала старуха. — Она говорит первой. Любопытно.

— А не должна была?

— Не должна. Но это уже неважно. Дай руки.

Вера протянула руки. Старуха взяла их в свои — холодные, очень холодные, как у трупа на вскрытии. Перевернула ладонями вверх. Долго смотрела. Потом отпустила.

— Ну хорошо, — сказала она. — Ты живая. Ты не мертвец, не голограмма, не очень удачная иллюзия. Это уже больше, чем я ожидала. Меня зовут Иссара. Я буду тебя сопровождать сегодня и, вероятно, ещё долго после. Не задавай вопросов, на которые ты сама знаешь ответы. Не задавай вопросов, на которые тебе всё равно никто не ответит. Не падай в обморок при виде императора — это никого не впечатлит и многих оскорбит. Ты меня поняла?

— Я никогда не падала в обморок, — сказала Вера.

— Прекрасно, — сказала Иссара. — Идём.

— Подождите. У меня вопрос.

Иссара повернулась.

— Я же сказала: не задавай вопросов.

— Это процедурный вопрос. Что я должна делать. Поклониться? Стать на колени? Сказать какую-то формулу?

Иссара посмотрела на неё долго.

— Знаешь, — сказала она наконец, — за шестьдесят лет при дворе мне впервые задают этот вопрос до встречи с императором, а не после. Все остальные сначала ведут себя как идиоты, а потом плачут. Ты мне начинаешь нравиться, дочь моря. Иди за мной. На колени становиться не надо. Поклонись головой. Не говори, пока он не заговорит. Если он спросит твоё имя — назови. Если он спросит что-то ещё — отвечай коротко и не ври. Он понимает, когда ему врут. Это самое важное.

— А если он не заговорит?

— Тогда мы все умрём от старости, дочь моря, — сказала Иссара, — но это, в общем, неплохой исход.

Вера решила, что Иссара ей нравится тоже.

Они пошли. Мёртвое дерево осталось позади. Иссара двигалась медленно, опираясь на тонкую трость из чёрного дерева, но шла прямо и без видимого усилия. Вера шла рядом. Гвардейцы отстали.

— Иссара, — сказала Вера тихо. — Что у вас за плечами?

Старуха резко обернулась.

— Что?

— Тени. Я вижу две тени за вашими плечами. Они не отбрасываются ни от чего. Это какая-то магия?

Иссара остановилась. Очень долго смотрела на Веру. Лицо у неё стало сначала озадаченным, потом — совсем непонятным, как будто она увидела что-то, чего не видела очень давно.

— Ты их видишь, — сказала она.

— Вижу.

— Никто не должен их видеть, дочь моря. Ни один человек.

— Но я их вижу.

Иссара медленно покачала головой.

— Это плохо, — сказала она. — Или очень хорошо. Я ещё не решила. Идём. Об этом мы поговорим позже. Сейчас тебя ждёт император, а это, поверь, важнее даже моих теней.

Они шли ещё минут пять. Через ещё одну галерею. Через двор с фонтаном в форме поднимающейся волны. Через коридор, в котором из стен росли живые перламутровые цветы, светящиеся изнутри мягким голубоватым светом. Чем глубже они входили во дворец, тем тише становилось. Шум воды отступал. Под ногами появился ковёр — толстый, из чего-то, что Вера сначала приняла за мох, а потом поняла, что это ковёр из настоящего мха, на котором не оставалось следов.

В конце коридора были двери.

Двери были высокие, в три человеческих роста, из тёмного дерева, инкрустированного перламутром. По обеим сторонам стояли два гвардейца — но эти были другие. Эти были выше, шире в плечах, и доспехи у них были не голубые, а тёмно-синие, почти чёрные. И на доспехах — узоры в форме извивающихся драконов.

— Личная гвардия императора, — тихо сказала Иссара. — Не смотри им в глаза. Они этого не любят.

— Хорошо.

Они подошли к дверям. Гвардейцы не шевелились. Иссара постучала тростью по полу — три раза, размеренно.

Двери открылись.

За ними была темнота.

Не темнота темноты — а полумрак большого помещения, освещённого только сверху, через узкие световые колодцы, прорезанные в куполе. Зал был огромный, длинный, с колоннами по бокам. В дальнем конце на возвышении стоял трон. Возле трона стояли несколько фигур — Вера не разобрала, сколько и кто.

И там, на этом возвышении, в полумраке, между светом и тенью, сидел мужчина.

Вера не видела его лица. Только силуэт. Высокий, тонкий, выпрямленный. Волосы длинные, светлые, почти серебряные. Одет в тёмное.

Он не двигался.

Иссара тронула Веру локтем. Едва-едва.

— Иди, — прошептала она. — И, дочь моря.

— Что?

— Постарайся не нравиться ему слишком сильно. Это, поверь, тоже опасно.

Вера моргнула. Хотела спросить. Не успела. Иссара отступила на шаг назад, в полумрак коридора, и Вера осталась одна.

Перед длинным залом. Перед троном. Перед мужчиной, который не двигался и смотрел на неё откуда-то очень издалека — так, как может смотреть только тот, кто долго ждал, и теперь не вполне верит, что дождался.

Вера сделала глубокий вдох.

«Так, — сказала она себе. — Ладно. Это просто пациент. Это сложный пациент в трудных условиях. У тебя такие были. Ничего нового. Ты профессионал. Ты идёшь и работаешь.»

Она пошла.

Под её мягкими сапогами совершенно беззвучно ложился ковёр из мха. Дыхание стучало в ушах громче, чем шаги. Где-то очень далеко, выше купола, едва слышно шумел водопад.

Вера Колосова, ветеринар из Владивостока, шла к трону Лазурного Двора, и в груди у неё, на левой ключице, под рубашкой, медленно и совершенно неосознанно, билось какое-то женское любопытство, которое ей очень дорого обойдётся.

Глава 3. Дева из пророчества

Толстый ковёр съедал звук шагов, и от этого Вере казалось, что она не идёт, а движется во сне.

Зал был длинный. Очень длинный. Вера привыкла к большим помещениям — она работала в государственной клинике, видела актовые залы советской постройки, — но этот был другой. Этот был высокий. Купол уходил вверх так далеко, что Вера, подняв глаза, на секунду перестала понимать, где верх. Сквозь узкие световые колодцы в потолке падали косые лучи — белые, прямые, как столбы, — и в этих столбах медленно плавала пыль. Между колоннами по обеим сторонам стояли люди. Много людей. Вера не смотрела, сколько — она боялась, что сойдёт со счёта и тогда уже точно перестанет идти.

«Просто пациент. Просто иду к пациенту. Это просто палата. Большая, мрачная палата, в которой почему-то стоят зрители».

Метров за пятнадцать до возвышения с троном она остановилась — не потому, что решила, а потому, что что-то в ней решило за неё. Тело знало, что дальше идти невежливо. Она поклонилась головой, как велела Иссара. Не глубоко. Ровно настолько, чтобы это было поклоном, а не кивком.

Зал молчал.

Молчал так, как может молчать только то помещение, где собрались тридцать человек, и все одновременно затаили дыхание. Вера слышала собственное сердце. Слышала далёкий шум водопада за стенами. Слышала, как где-то в стороне еле слышно скрипнула чья-то перчатка.

Никто не шевельнулся.

«Ладно, — подумала Вера. — Ладно. Иссара сказала: молчать, пока не заговорит. Я молчу. Я очень хорошо молчу.»

Прошло три удара сердца. Четыре. Шесть.

Она подняла глаза.

И увидела его.

Первое, что она заметила, — он был не таким, как она его представляла. Он не был величественным. Не был грозным. Не сидел театрально, скрестив руки. Он сидел в кресле — да, это был трон, но это было кресло, — небрежно, чуть откинувшись, опираясь на левый подлокотник, как будто прямо сидеть ему было утомительно. Одна нога была вытянута. Вторая чуть согнута. Поза человека, который провёл в этом кресле несколько часов и устал.

Второе, что она заметила, — он был красив. Это её разозлило. Она не любила, когда пациенты были слишком красивые, — это сбивало с диагноза. Лицо было узкое, с резкими скулами, очень бледное — бледность нездоровая, восковая, какая бывает у людей с хронической анемией. Волосы — длинные, до плеч, светло-серебристые, но не седые: серебристый был их природный цвет, ровный, без вкраплений. Глаза она пока не разглядела — он смотрел сверху и в тени.

Третье, что она заметила, было самым важным. Он дышал неправильно. Грудная клетка поднималась чуть-чуть, поверхностно, и пауза между вдохами была короче, чем у здорового взрослого. Тахипноэ. Учащённое поверхностное дыхание. Классика хронической интоксикации или системного воспаления.

«Ага, — подумала Вера. — Ага. Так.»

Она вдруг успокоилась. Тело, привыкшее за одиннадцать лет реагировать на симптомы автоматически, перешло в рабочий режим. Сердце замедлилось. Руки перестали дрожать. Это была работа — а на работе она знала, что делать.

Она встретила с ним глазами.

Глаза у него были голубые. Не светло-голубые, как у северян, а тёмно-голубые, как глубокая вода. И вертикальные. Зрачки — две вертикальные щели, как у крупных хищных кошек или как у некоторых змей. Эти зрачки её, парадоксальным образом, успокоили ещё больше: они были признаком вида, а не индивидуума, и с видом она работала. С индивидуумами было сложнее.

Он смотрел на неё долго.

Она смотрела в ответ.

«Не отвожу глаз. Не отвожу глаз. Я ветеринар, я смотрела в глаза доберману, который пытался меня сожрать. Я могу смотреть в глаза дракону.»

Кто-то в зале — справа, в первом ряду — кашлянул. Звук в тишине прозвучал как выстрел. Никто не повернулся.

Аэдрис Глубинный, двадцать третий император Лазурного Двора, медленно поднял правую руку. Жест был еле заметный — два пальца чуть согнулись. И весь зал, как один, выдохнул и заговорил.

Не громко. Тихо. Бормотанием. Как будто им разрешили дышать.

Аэдрис смотрел, как она идёт.

Айри привела её, оставила и отступила за колонну — её привычка, выработанная за шестьдесят лет: никогда не стоять там, где её могут увидеть. Он бы предпочёл, чтобы она осталась рядом. Но Айри лучше его знала, что прилично.

Чужестранка шла по залу как человек, который не понимает, что вокруг него происходит, — и одновременно как человек, который твёрдо решил не показывать, что не понимает. Это было редкое сочетание. Большинство людей, впервые попадавших в этот зал, делали одно из двух: либо терялись и шли спотыкаясь, либо изображали уверенность, которой у них не было, и она протекала наружу с каждым шагом. Эта шла иначе. У неё была рабочая походка — целенаправленная, экономная, не лишняя в движениях. Так ходят люди, привыкшие за день обойти много помещений с конкретными задачами.

Он узнал её сразу.

Конечно, узнал. Та же тёмная коса по плечу (теперь сухая и заплетённая), тот же узкий разрез глаз, та же манера держать подбородок чуть приподнятым — не вызывающе, а профессионально, как будто она всегда готова к тому, что её перебьют. Только одежды другие — местные, его. И обувь не та странная со шнуровкой, а мягкие сапоги, в которых она ступала по ковру беззвучно.

«Океан принёс».

Он почти улыбнулся. Удержался.

Она остановилась за пятнадцать шагов. Поклонилась головой — правильно, точно так, как поклонился бы любой житель Архипелага равному, не вышестоящему. Кто-то её научил. Аэдрис скользнул глазами вглубь зала, к колоннам. За одной из них стояла Иссара. Иссара не поднимала глаз, но он знал её сорок лет и видел, что она довольна.

Он перевёл взгляд обратно.

Чужестранка стояла молча. Хорошо. Она знала, что заговорить должен он. Хорошо.

Зал ждал.

Он не торопился. Он смотрел на неё и пытался понять то, что не давалось ему уже сутки — с того момента, как он проснулся от сна, которого не должен был видеть. Что в ней такого. Лицо обыкновенное — не уродливое, не красивое. Не молодая, не старая: ему всегда было трудно определять возраст людей короткой жизни, но эта была где-то в середине своей жизненной кривой. Тело крепкое, плотное — она кого-то поднимала и носила, регулярно. Руки — это он заметил отдельно — широковатые в ладонях, с короткими ногтями. Руки человека, который ими работает.

Ничего особенного.

И всё-таки она стояла перед его троном, и у него под рёбрами что-то — впервые за месяцы — было не похоже на боль.

Он поднял два пальца. Зал ожил.

— Подойди, — сказал он. Голос вышел не такой, как он рассчитывал: тише и суше. Болезнь съедала и его голос тоже, по чуть-чуть, как и всё остальное. — Подойди ближе. Я хочу видеть твоё лицо.

Вера двинулась. Десять шагов. Пять. Три.

Возвышение поднималось ступенями — три ступени, не очень высокие. Она остановилась у нижней. Подняла голову.

Теперь она видела его близко. Видела, что бледность у него не равномерная — у висков и под глазами кожа была чуть желтоватой, оттенка слабой желтухи. Видела, что под широким воротом тёмной туники, у самой ключицы, кожа была не кожей. Там виднелся край чего-то перламутрового, серебристо-голубого, с тонкими тёмными прожилками. Чешуя. И на этой чешуе, у самой границы с кожей, — Вера прищурилась — была язва. Небольшая, бледная, с приподнятыми краями. Старая. Не свежая. Не первая.

«Так. Поверхностные изъязвления. Хронические. Локализация — переходная зона, кожа/чешуя. Это уже что-то.»

— Дочь моря, — сказал он. — Так тебя называют. Это твоё имя?

— Меня зовут Вера.

— Вера. — Он повторил без вопросительной интонации, как будто пробовал слово на язык. — Это что-то означает на твоём языке?

— Это означает «верить». В значении «доверять». Или «иметь убеждения».

— Подходящее имя для девы из пророчества.

— Я не дева из пророчества.

В зале кто-то поперхнулся. Звук был отчётливый, и Вера услышала, как один голос — не слишком тихо — повторил по-местному: «Не дева. Она говорит, что не дева».

Аэдрис не повернул головы.

— Тогда кто ты, Вера?

— Я ветеринар.

— Это слово не переводится на наш язык.

— Я знаю. Я лекарь. Для животных.

В зале снова зашептались. На этот раз громче. Аэдрис чуть-чуть приподнял левую ладонь — едва-едва, — и шёпот мгновенно прекратился. Вера это заметила. Этот человек контролировал зал движением одного пальца. Она бы запомнила приём, если бы у неё был зал, где она могла бы его применить.

— Ты говоришь, что ты лекарь, — сказал он. — И что в твоём мире есть лекари, которые лечат только животных. Это правда?

— Это правда.

— И в твоём мире никто не считает, что это ниже человеческого ремесла?

Вера задумалась на секунду. Подумала, и решила сказать правду — потому что Иссара велела не врать.

— Считают, — сказала она. — Многие считают. Особенно владельцы животных, которые потом приходят ко мне, плачут и спрашивают, почему их кот умер. Но я думаю, что они ошибаются.

Уголок его рта — на полмиллиметра — приподнялся. Это была не улыбка. Это была тень улыбки, мгновенная и тут же стёртая. Но Вера её увидела.

— Хорошо, — сказал он. — А почему они ошибаются?

— Потому что у животных в десять раз больше видов, чем у людей. У людей — один вид. У меня в практике — собаки, кошки, попугаи, грызуны, рептилии, иногда копытные. У каждого вида своя анатомия, свои нормы, свои болезни. Это не ниже человеческой медицины. Это шире.

Аэдрис помолчал.

— И ты, — сказал он, — пришла лечить меня.

— Меня сюда привезли, — сказала Вера. — Я не пришла.

— Но согласилась.

— Согласилась.

— Почему?

«Хороший вопрос, — подумала Вера. — Действительно, почему я согласилась? Потому что устала спорить со стариком? Потому что мне любопытно? Потому что у меня нет других вариантов в этом мире и я хватаюсь за единственное, что выглядит как работа?»

Она сказала вслух:

— Потому что вы умираете, ваше величество. А я не люблю смотреть, как кто-то умирает от того, от чего его можно вылечить.

В зале опять зашептались. Слова «умираете» произносить тут было не положено. Вера это поняла по реакции — но было поздно, и переигрывать она не стала.

Аэдрис долго смотрел на неё.

— Откуда ты знаешь, — медленно сказал он, — что меня можно вылечить?

— Я пока не знаю. Но я вижу симптомы, по которым могу предположить.

— Предположи.

Она кивнула на его ключицу.

— Можно?

Он не понял. Она показала жестом — раздвинула пальцами, как будто что-то отодвигает.

— Можно посмотреть рану? Под воротом.

Зал застыл.

Вера потом, восстанавливая эту сцену в памяти, поймёт, что в этот момент произошло три вещи одновременно. Кто-то в первом ряду — высокий мужчина в чёрном — резко выдохнул через зубы; звук был неприятный, шипящий. Иссара, по-прежнему за колонной, сделала маленький шаг вперёд — Вера не видела, но почувствовала. И сам Аэдрис не двинулся, но что-то в его лице — не выражение, нечто меньше, — изменилось. Он впервые посмотрел на неё внимательно.

— Подойди, — сказал он.

Вера поднялась на первую ступень.

— Веран, — сказал Аэдрис, не глядя в зал. — Не надо.

Высокий мужчина в чёрном, который выдыхал шипяще, замер на середине шага. Вера на него посмотрела. Лет сорок пять. Длинное лицо, как у борзой. Тёмные волосы, собранные в низкий хвост. Чёрная одежда — туника, штаны, мягкие сапоги, всё чёрное. На груди — серебряная брошь в форме завитка течения. Глаза — голубые, как у Аэдриса, тоже с вертикальным зрачком. Дракон, поняла Вера. Ещё один дракон.

Веран медленно опустил уже занесённую руку. Сел обратно — где-то в первом ряду стояло что-то вроде низких сидений для приближённых.

— Ваше Величество, — сказал он. Голос у него был тёплый, бархатный, на удивление приятный. — Простите меня. Старая привычка. Я не вынесу, если кто-то прикоснётся к вам неподготовленным.

— Я вас и не прошу выносить, — сказал Аэдрис. — Просто не вмешивайтесь.

Веран наклонил голову. Поклон был идеальный — ровно той глубины, какой требовалось, и ни на градус больше. Вера запомнила этот поклон. Так кланяются люди, которые ненавидят того, кому кланяются, и научились делать это так, чтобы никто не мог придраться.

Аэдрис поднял подбородок.

— Иди, Вера. Смотри.

Она поднялась ещё на ступень. Потом ещё на одну. И вот она стояла прямо перед ним — близко, в полуметре. Так близко, что видела, как у него на виске бьётся тонкая жилка, и пульс был быстрый. Сто двадцать в минуту, на глаз. Высокий пульс для покоя.

Она протянула руку — медленно, как протягивала бы руку к большой собаке, не уверенной, кусаться или нет, — и взялась за край его ворота.

— Я отодвину, — сказала она. — Ничего больше. Хорошо?

— Хорошо.

Она отодвинула.

Под воротом, как она и думала, была чешуя — мелкая, перламутрово-голубая, с серебристыми переливами, очень красивая. Вера на секунду забыла, что она тут делает. Чешуя была такая, что в любой музей её положи — отбоя от посетителей не будет.

Но красота была не вся.

По границе чешуи с человеческой кожей, по всей длине ключицы и дальше — туда, где начиналось плечо, — шла полоса повреждений. Бледные, неровные пятна. Подсохшие язвочки. Несколько свежих — с тонкой плёночкой, типичной для грибкового поражения. На одной из чешуек — серовато-белый налёт, такой характерный, что Вера не удержалась и наклонилась ближе. Почти прикоснулась. Не прикоснулась.

— Это давно? — спросила она.

— Год.

— Где началось?

— Здесь. На груди. Потом пошло вверх и вниз.

— Болит?

— Не болит. Чешется. И чешется не на коже — глубже. Под чешуёй.

— Это нормально. Это значит, что инфекция распространилась по подкожным слоям.

Она протянула вторую руку — палец, — чтобы прикоснуться к краю одной из язв. Не к чешуе. К коже рядом. Это была обычная процедура: пальпация краёв поражения, оценка плотности, температуры, реакции.

Когда её палец коснулся кожи у его ключицы — между двумя свежими язвочками — Вера почувствовала разряд.

Это было быстро. Мгновенно. Как если бы её ткнули иглой — но не больно, а электрически. Тёплая щекочущая волна прошла от кончика пальца через всю руку, в плечо, в грудь, и осела где-то под ложечкой, как горячий глоток. И всё — было и прошло. Она едва не отёрнула руку. Удержала.

«Статика, — сказала она себе. — Это статика. У него длинные волосы, у меня шёлк под рубашкой. Сейчас сухо. Это статика.»

В тот же миг Аэдрис вздрогнул — почти незаметно. Почти. Только ладонь, лежавшая на подлокотнике, чуть-чуть сжалась. И зрачки — Вера видела их с близкого расстояния — на долю секунды расширились. Не от страха. От чего-то другого. Чего именно — она не знала, и думать сейчас об этом не стала.

— Больно? — спросила она профессиональным тоном.

— Нет, — сказал он. И, после паузы: — Не больно.

— Хорошо. Тогда я ещё немного.

Она пальпировала. Аккуратно, по краям, не касаясь самих язв. Кожа была горячая — выше, чем должна быть. Лёгкий локальный гипертермический ответ. Лимфоузлы — она про-

щупала под нижней челюстью с одной стороны, с другой — увеличены, оба, симметрично. Системная реакция.

Через полминуты она отступила.

— Можно, я осмотрю одно место ещё?

— Где?

— Тыльную сторону запястья. Если поражение системное, оно должно быть и там. У вас на запястье — там, где чешуи нет, — могут быть характерные мелкие пятна. Это поможет диагностике.

Аэдрис молча отвернул левый рукав туники.

Вера наклонилась. Запястье у него было узкое, но с проступающими венами — длинные, голубые, под бледной кожей. И — она искала именно это — у самого края, у того места, где должна была начинаться чешуя, но ещё не начиналась, кожа была усыпана мелкими округлыми пятнышками. Размером с зёрнышко мака. Серовато-перламутровые. Множественные.

— Вот, — сказала она. — Вот это.

— Что — это?

— Это то, что я предполагала. — Она выпрямилась. Сделала шаг назад. Посмотрела ему в лицо. — Ваше величество, у вас грибковое поражение кожно-чешуйчатого покрова с системным распространением. По-нашему — микоз. Хронический, тяжёлый, но не проклятие. Это болезнь. И её можно лечить.

В зале стояла такая тишина, что Вера слышала, как у Иссары за колонной коротко звякнула серебряная нить в косе.

Потом голос Верана:

— Ваше Величество.

Аэдрис не ответил. Он смотрел на Веру.

— Ваше Величество, — Веран встал. — Прошу разрешения говорить.

— Говорите.

Веран сделал шаг вперёд. Вера повернула голову, чтобы видеть его. Близо он был ещё неприятнее, чем издалека. Не лицом — лицо у него было нормальное, даже привлекательное. Чем-то другим. Запахом, может быть. От него пахло — Вера, привыкшая в клинике различать запахи, отметила это автоматически — чем-то холодным и металлическим, как лезвие, которое долго пролежало в подвале.

— Эта женщина, — сказал Веран спокойно, — пришла к нам сегодня. Её принёс океан. Её привёл старик из Внешнего Кольца, который не читает по-древнему и не знает наших книг. Она утверждает, что она — лекарь. Лекарь для животных. Никто из нас не может ни подтвердить, ни опровергнуть её слов. И вот за пять минут она ставит диагноз болезни, которую самые лучшие маги Семи Течений изучают год и не могут определить. — Он повернулся к Вере. Улыбнулся. Улыбка была идеальная, как у него и поклон. — Скажите мне, дочь моря. Если вы так быстро всё поняли — может быть, вы сами и заразили нашего императора? Может быть, вы пришли, чтобы прикончить?

«О, — подумала Вера. — Ну да. Логично. Я бы тоже так подумала на его месте.»

Она сложила руки за спиной — жест, который у неё всегда выходил автоматически, когда нужно было сдерживаться. Подумала, что сказать.

— У меня к вам встречный вопрос, — сказала она. — Как меня зовут?

Веран моргнул.

— Простите?

— Как меня зовут. По-моему, я ещё не представлялась вам лично. Но император назвал моё имя три минуты назад. Если вы за разговором не запомнили его, может быть, вам стоит сначала научиться слушать, а потом обвинять.

В зале — Вера готова была поклясться — кто-то сдержанно хохотнул. Один человек. Где-то слева, в глубине. Звук задавили мгновенно, но он был.

Веран не шевельнулся. Только улыбка исчезла. Лицо у него стало гладким — как поверхность воды без ряби.

— Вера, — сказал он. — Я запомнил. И всё-таки. Год назад император был здоров. Сегодня он умирает. Болезнь не сама пришла. Кто-то её принёс.

— Может быть, — согласилась Вера. — Но не я. Год назад я была в городе Владивостоке и оперировала кота по имени Барсик. У меня даже есть свидетели — хозяйка кота, медсестра и сам кот, если он ещё жив. К сожалению, до них отсюда далеко.

— Удобный ответ.

— Любой ответ удобный, когда говоришь правду.

Аэдрис поднял руку.

Веран замолчал на полуслове.

— Веран, — сказал Аэдрис. — Сядьте.

— Ваше Величество, я только хотел...

— Сядьте.

Веран сел. Поклоном. Идеальным.

Аэдрис смотрел на Веру долго. Очень долго. Она встретила его взгляд и не отвела. Под ложечкой у неё ещё тёплой петлёй догорал тот разряд, который она велела себе считать статикой.

— Ты сказала, — медленно начал он, — что болезнь можно лечить. Чем?

— Несколькими вещами, — сказала Вера. — Местными мазями, противогрибковыми. Системным лечением — то есть лекарством, которое работает изнутри. И поддерживающей терапией — питание, отдых, может быть, какие-то ванны.

— Из чего ты собираешься делать эти лекарства?

— Из того, что у вас есть. — Она пожала плечами. — Я не знаю, что у вас есть. Мне нужно посмотреть. У вас должна быть какая-то плесень — на хлебе, на сыре, где угодно. Из неё можно получить первичный антибиотик. Из серы — мази. Из определённых трав — отвары. Но в первую очередь мне нужен микроскоп.

Она произнесла это и сама себе поморщилась. Потому что микроскоп. Микроскоп — это была главная проблема, и она думала об этом всю дорогу в паланкине, пока её несли через город. Без увеличения она ничего не подтвердит. Грибок выглядит как грибок только под линзами. Без них — это пятна, налёт и язвы, под которыми может быть всё, что угодно. Бактерии. Простейшие. Десяток других патологий, которые лечатся противоположным образом. Если она наугад начнёт лечить от микоза то, что окажется бактериальной инфекцией, — она его убьёт. Своими руками. Без увеличения она работала вслепую, а вслепую с драконом она работать не собиралась.

Что у неё было. У неё были руки и память — она помнила анатомию, фармакологию, основы микробиологии. У неё был, видимо, доступ к материалам: двор богатый, ресурсов будет много. И у неё, кажется, был сейчас полный контроль над процессом — император её слушал. Чего у неё не было: оптики. Линз. Зеркал точной кривизны. Стекланных капилляров. Ни одного нормального инструмента.

Микроскоп. Самый простейший. Левенгуковский. Одна линза, источник света, держатель образца — голландский торговец сукном собрал такой у себя дома в семнадцатом веке без специального образования и увидел в нём бактерии. Если он смог — она сможет. Главное — линза.

Линзу можно выточить из горного хрусталя — если найдётся достаточно прозрачный кусок и мастер, умеющий резать камень. Можно расплавить стекло и выдуть стеклянный шарик нужного размера, нужной кривизны, — но для этого нужен хороший стеклодув, а у неё на

знакомство со стеклодурами времени нет. А можно — и эта мысль пришла ей ещё в лодке, когда она смотрела за борт и видела на дне, в маленьких раковинах, цветные блики жемчуга, — взять жемчужину. Большую, ровную, с прозрачной сердцевинкой. Сточить с одной стороны до плоского среза. Отполировать до зеркального блеска. Получится не линза в строгом смысле, но выпуклая поверхность, которая даст увеличение. Грубое. Кратное двадцати, может быть, тридцати. Но мицелий грибка она увидит. А мицелий — это всё, что ей нужно для подтверждения диагноза.

Она подняла глаза.

— Если у вас его нет, я его соберу.

— Соберёшь?

— Из жемчуга. У вас, я успела заметить, его как песка. Нужен жемчужный мастер, который умеет резать и полировать, и день-два работы. Дальше — деревянная подставка, тонкая металлическая игла как держатель образца, и источник света. Лучше всего солнечный, через узкое окно. И ещё мне понадобится зеркало. Обычное полированное зеркало, я не привередливая.

Аэдрис смотрел на неё с тем выражением, какое появляется у человека, когда он впервые за долгое время видит то, что не ожидал увидеть.

— Лекарь, — сказал он, — который собирает себе инструменты сам.

— Лекарь, которому привычно работать с тем, что есть. У нас в клинике на окраине Владивостока тоже бывали дни, когда центрифуга ломалась, а образцы было нужно смотреть. Приходилось импровизировать.

Это было почти ложью. Центрифугу они в таких случаях чинили или таскали из соседнего отделения. Но это было ближе к правде, чем казалось: за одиннадцать лет практики она научилась обходиться без половины того, что считалось обязательным.

— Хорошо, — сказал Аэдрис. — Тогда у меня к тебе договор, Вера-лекарь.

— Я слушаю.

— Если ты меня вылечишь — я исполню одно твоё желание. Одно. Любое. В пределах моей власти — а моя власть здесь, как ты, может быть, ещё не успела понять, велика.

Зал замер.

Вера, надо отдать ей должное, тоже замерла. Она ожидала всякого — отказа, торга, обещания платы за услугу, расписания, оговорок, — но не этого. Это был не контракт. Это было то, что в её мире называли бы открытым чеком, а в его, видимо, носило какое-то более торжественное название.

— Любое? — переспросила она. Голос вышел чуть охрипшим.

— Любое. Хочешь золота — получишь столько, сколько унесёшь, и ещё столько же отдельным караваном. Хочешь титул — будет, какой назовёшь, и земли к нему. Хочешь вернуться домой — поищем способ. Способов мало, и я не обещаю, что они существуют, но если они существуют — я их найду. Если их не существует — я подниму всё, что можно поднять, чтобы они появились. Хочешь остаться — оставайся, на тех условиях, которые сама назовёшь. Я не торгуюсь, Вера. Я не из тех, кто торгуется. Я просто обещаю.

Где-то в зале — Вера готова была поклясться — Лорд Веран медленно, неслышно, сквозь зубы втянул воздух.

— А если у меня не получится? — спросила она.

Аэдрис чуть-чуть улыбнулся — впервые открыто. Это была не тёплая улыбка. Это была улыбка человека, который давно перестал бояться плохих исходов и нашёл в этом своеобразный покой.

— Если у тебя не получится, Вера, — сказал он, — то у меня уже не будет возможности тебя отблагодарить. Но и спросить с тебя — тоже не будет. Так что в проигрыше окажешься

только ты: застрянешь в чужом мире без обещанного. Это твой риск. Я тебя в него не толкаю. Решай.

Она долго на него смотрела.

Странное дело: за тридцать минут в этом зале она поставила диагноз, оскорбила влиятельного человека, согласилась лечить умирающего императора и почти привыкла к мысли, что ей теперь жить в мире с летающими ящерами и мантами вместо такси. А вот это — простое условие, простая сделка, простое «если получится» — её испугало больше всего. Потому что обещание было слишком большое. Потому что под ним угадывалось что-то такое, что Вера не умела называть, но умела чувствовать: этот человек не давал лёгких обещаний, и если он сейчас сказал «любое» — значит, он действительно сделает любое. Включая то, что она боялась бы попросить.

Она сделала вдох.

— Я согласна, — сказала она. — Но я хочу первый срок. Через тридцать дней мы оба посмотрим, есть ли прогресс. Если есть — продолжаем. Если нет — пересматриваем договор. Я не хочу обещать вам того, чего не смогу сделать.

— Согласен.

— И ещё одно уточнение, ваше величество. Я не врач. Я ветеринар. Я не могу обещать результат. Я могу обещать только, что попробую и буду действовать профессионально.

— Этого достаточно.

— И ещё одно.

— Что?

— Я не упоминаю это в обиду. Но кто-то в зале — какой-то конкретный человек, — она не посмотрела на Верана, и это было важно, что она не посмотрела, — может попытаться меня устранить. Я не разбираюсь в ваших отношениях. Но мне нужна охрана. Не из вежливости. По делу.

Аэдрис помолчал.

— Айри, — сказал он, не повышая голоса. Из-за колонны вышла его старая служанка, как будто она там всё это время и стояла, что, разумеется, так и было. — Госпожа Вера переезжает в крыло Восточных Покоев. Поставьте у её дверей двух из моих личных. Меняйте каждые шесть часов. Питание — с моего стола, проверенное.

— Будет сделано, Ваше Величество.

— Иссара.

Из-за другой колонны вышла Иссара. Старуха шла медленно, опираясь на трость, но шла прямо.

— Ты слышала? — спросил Аэдрис.

— Слышала, Ваше Величество.

— Веди её. Объясняй. Помогай.

— Будет сделано.

Аэдрис снова посмотрел на Веру.

— Иди. Отдыхай. Завтра в полдень — у меня.

Вера поклонилась — как и в первый раз, головой, не глубоко. Повернулась. И только повернувшись, поняла, что у неё трясутся ноги. Не от страха. От усталости. От того, что она тридцать минут стояла, говорила с императором умирающего мира и поставила диагноз дракону.

Она пошла к выходу. По залу, под взглядами тридцати человек, чьих имён она не знала. Мимо колонн. Мимо Верана, который смотрел ей вслед — она кожей чувствовала, как смотрит, — и взгляд его был не злой. Хуже. Внимательный. Внимательный взгляд человека, который запоминает.

У дверей она обернулась.

Аэдрис всё ещё сидел в той же позе, чуть откинувшись, опираясь на левый подлокотник. Он смотрел не на неё. Он смотрел в потолок — в один из световых колодцев, в столб света, в плавающую в нём пыль. Лицо у него было — Вера в первый раз это разглядела — очень одинокое.

Не как у императора.

Как у пациента.

Она вышла.

Иссара провела её через три коридора, два двора и одну крытую галерею, прежде чем заговорила.

— Ты сделала четыре вещи, дочь моря, — сказала она, не поворачивая головы. — Хочешь знать, какие?

— Хочу.

— Первое: ты не упала в обморок. Я уже это засчитала.

— Я говорила, что не падаю.

— Я тебе поверила только наполовину. Второе: ты поставила диагноз. Это сделать раньше тебя не смог никто. Если ты права — а я думаю, что ты права, потому что я вижу у императора то же, что видишь ты, только я уже шестьдесят лет не доктор и не имею права, — то ты только что спасла Семь Течений.

— Я ещё не спасла. Я только сказала, от чего лечить.

— Это уже половина. Третье: ты обозвала Верана дураком публично. Не словами. Хуже. Ты обозвала его дураком вежливо. Этого тебе не простят.

— Я заметила.

— Хорошо, что заметила. Четвёртое — и самое опасное.

Иссара остановилась. Они стояли в маленьком внутреннем дворике, посреди которого был круглый бассейн с лотосами. Старуха повернулась к Вере. В её бесцветных серых глазах было выражение, которого Вера не понимала.

— Ты ему понравилась, — сказала Иссара. — Не как женщина. Этого пока нет, тут я тебя обманывать не буду. А как... не знаю, как сказать на торговом. Как что-то живое. Понимаешь?

— Не совсем.

— Он четыреста лет смотрит на людей сверху. На всех. Даже когда сидит на одном уровне с ними — смотрит сверху. Это драконье. Иначе они не могут. На тебя он сегодня смотрел иначе. Не сверху. Сбоку. Как смотрят, когда хотят понять, не когда хотят оценить. Это, дочь моря, для дракона очень странно. И очень опасно. Для тебя. И, может быть, для него тоже.

Вера долго стояла молча. Лотосы в бассейне покачивались.

— Я не собиралась ему нравиться, — сказала она наконец. — Я собиралась его лечить.

— Я знаю, — сказала Иссара. — В этом-то и беда.

Глава 4. Варварские методы

Восточные Покои оказались не покоями, а маленькой квартирой.

Вера это поняла к утру, когда проснулась и впервые осмотрелась при свете. Накануне вечером Иссара привела её, показала, где что, дала кувшин с тёплой водой и оставила. Вера, не раздеваясь, упала на низкую кровать и провалилась в сон, как камень в воду. Сейчас, в утреннем свете, она лежала на той же кровати и пыталась понять, в каком году своей жизни она находится.

Это не была одна комната. Это были три комнаты, расположенные подковой вокруг внутреннего двора с бассейном и одним деревом. Спальня — низкая кровать с пологом, ширма, сундук, столик. Гостиная — две низкие лежанки, ковёр, очаг (не камин, а именно очаг — углубление в полу, обложенное камнем, с тонкой трубой для дыма). И кабинет — длинный стол, несколько кресел и стена, занятая полками. Полки были пустые.

«Кабинет, — подумала Вера. — Это они мне кабинет дали».

Из двора тянуло свежим запахом моря и чем-то цветочным — тем же, что вчера в лагуне. За окном — узким и высоким, с резной решёткой — шумел невидимый фонтан. В комнате было прохладно, но не холодно: камень пола, оказывается, был тёплым. Какая-то местная инженерия.

Вера села. Заплела волосы — наскоро, не глядя в зеркало. У двери в гостиную тихо кашлянули.

— Простите, госпожа Вера. Это я. Можно?

Голос был молодой и виноватый. Вера, ещё в полусне, узнала торговое наречие. Открыла дверь.

В дворике стоял парень.

Лет двадцать четыре. Худой, длинный, в светлой рубахе и тёмных штанах, перетянутых на талии простой верёвкой. Тёмные волосы — нестриженные, торчащие во все стороны, как будто он на бегу пытался их пригладить и сдался. Лицо узкое, скуластое, с большими глазами серого цвета — у местных Вера таких пока не видела, у всех глаза были или карие, или голубые, или, как у драконов, голубые с вертикальным зрачком. У этого — серые. Человеческие. В руках он держал поднос. На подносе — две глиняные чаши.

— Меня зовут Тэо, — сказал парень. — Меня прислала госпожа Иссара. Я ваш помощник.

— Помощник? — переспросила Вера. Спросонья было трудно соображать.

— Да, госпожа. Госпожа Иссара сказала, что я буду вам помогать во всём: показывать дворец, носить, что попросите, объяснять, что есть что. Я также умею писать. Если что-то нужно записать — я запишу.

Он сделал паузу. Чуть-чуть наклонился — это явно был поклон, но какой-то незавершённый, как будто он начал и забыл закончить.

— И ещё, — добавил Тэо. — Я принёс завтрак.

— Спасибо, — сказала Вера. — Заходите. Только меня зовите без «госпожи». Просто Вера.

Тэо моргнул.

— Просто Вера? Без...?

— Без.

— Хорошо. Я попробую.

Он зашёл. Поставил поднос на низкий стол в гостиной — там, оказывается, был и низкий стол, Вера вчера его не заметила. Сел напротив, на ковёр, поджав ноги. Вера, после секундного раздумья, села так же. У неё затекли ноги — она забыла, что местные не пользуются стульями.

В кашах было что-то горячее, белое, густое. Каша. Сладкая, с чем-то фруктовым и солёным одновременно.

— Что это? — спросила Вера.

— Утренняя каша. Из рисового жемчуга. Рисовый жемчуг — это такое... маленькое зерно, как обычный рис, но круглое. — Тэо изобразил пальцами размер. — С добавкой сушёной манги и морской соли. Очень полезно. Я каждое утро ем.

Вера попробовала. Каша была действительно вкусной. Что-то между рисовой кашей с молоком и... она не знала, с чем сравнить. С чем-то.

— Тэо, — сказала Вера. — Скажите мне честно. Госпожа Иссара действительно вас выбрала мне в помощники? Или это была её ирония?

Тэо опустил глаза. Помолчал. Потом сказал:

— И то, и другое, наверное, госпожа Вера.

— Просто Вера.

— Просто Вера. Я объясню. Я учился в Академии Семи Голосов. Это школа магии. У нас тут магия работает через пение — но это вы уже, наверное, поняли. Я учился семь лет. Меня выгнали в этом году.

— За что?

Тэо посмотрел на свою кашу. Очень долго. Потом сказал:

— Я плохо пою.

— Плохо?

— Очень плохо. У меня магия идёт наоборот. — Он наконец поднял глаза. Под глазами у него были тёмные тени, как у человека, который плохо спит. — Я пою заклинание исцеления — у больного начинает болеть сильнее. Я пою заклинание укрепления — наоборот, всё рушится. Один раз я попробовал спеть простое заклинание, чтобы свечу зажечь — и потушил все свечи в зале. Меня держали из жалости, потому что мой отец платил за учёбу. Когда отец умер и платить стало некому, меня выпустили. С формулировкой «не подходит для практической магии».

Он сказал это всё ровным голосом, как читал чужой текст. У Веры между лопатками что-то заныло. Она знала это ровное звучание. Так звучали хозяева животных, которым только что сказали неоперабельный диагноз и которые ещё не успели заплакать.

— А почему именно вас Иссара ко мне приставила? — спросила она.

— Потому что больше никто не пошёл, — сказал Тэо. — Когда госпожа Иссара утром собрала прислугу и предложила работать с лекарем из иного мира, никто не вызвался. Все боятся. Болезнь, заразиться, гнев Его Величества, гнев Лорда Верана, гнев придворных магов — все боятся чего-то. А мне нечего бояться. Меня уже выгнали отовсюду, откуда меня могли выгнать. Меньшего не получится. Так госпожа Иссара и сказала, когда меня вызвала: «Тэо, тебе всё равно нечего терять, иди работать с чужестранкой».

Вера посмотрела на него внимательно.

— И вы пошли.

— Я пошёл. — Тэо чуть-чуть улыбнулся. Улыбка была усталая, но настоящая. — Мне, если честно, нравится. Я не знаю, что вы делаете, я не понимаю про лекарства, у меня нет диплома лекаря, но мне нравится, что мы будем что-то делать. Я долго ничего не делал. Полгода после Академии. Я очень устал ничего не делать.

— Хорошо, — сказала Вера. — Подходите.

— Подхожу?

— Подходите. На должность. Беру вас. Только условие.

— Какое?

— Если я скажу делать что-то странное — делайте, не споря. Спорить будете потом, когда станет ясно, что это работает.

Тэо посмотрел на неё долго. Потом кивнул.

— Я согласен.

— И ещё одно. Если кто-то будет вам угрожать или давить из-за того, что вы со мной работаете — сразу скажите мне. Я Иссаре скажу, Иссара ещё кому-то. У вас, я так понимаю, есть тут влиятельные люди, которым моё лечение не понравится.

— Есть, — согласился Тэо. — Их зовут Семь Голосов. Это придворные маги. Они до сих пор лечили Его Величество. Точнее, делали вид. Если кто-то начнёт лечить лучше — для них это будет очень неприятно.

— Тогда тем более. Если они будут что-то говорить — мне говорите.

— Хорошо.

Тэо поел кашу, очень быстро, как ест человек, который ест, когда дают. Поднял голову.

— Что мы будем делать сегодня, просто Вера?

Она вытерла руки полотенцем. Подумала. Сказала:

— Сегодня мы будем делать микроскоп.

К полудню в её новом «кабинете» лежали:

— одна крупная жемчужина (овальная, белая, размером с виноградину, принесённая по её заказу из дворцовой сокровищницы — Тэо принёс её в шёлковом мешочке, и Вера видела по его лицу, что он только что прикасался к чему-то стоимостью в годовое жалованье городского лекаря);

— кусок чёрного дерева, выпиленный по её эскизу плотником из дворцовой мастерской — узкий, длиной с ладонь, с маленькой круглой выемкой посередине и тонким держателем-вилочкой на конце;

— медная игла, тончайшая, выточенная при ней дворцовым ювелиром;

— зеркало — небольшое, овальное, в серебряной оправе, как обычно бывает в дамских туалетных столах — взятое из её же покоев, потому что нести из других было дольше;

— и человек, который должен был всё это собрать в одно целое.

Этого человека звали Мастер Шенн. Он был жемчужный резчик — единственный, у кого было разрешение работать с императорским жемчугом. Лет шестидесяти, с короткими седыми волосами, с пальцами, толстыми как сосиски, и глазами как два луча — узкие, цепкие, моментально всё видящие. Когда его привели в кабинет Веры, он не поздоровался. Просто посмотрел на жемчужину. Посмотрел на Веру. Сказал:

— Что вы хотите, чтобы я с ней сделал, госпожа?

Вера разложила свой эскиз. Она нарисовала его углём на куске пергамента. Эскиз был не художественный, но точный — за одиннадцать лет в клинике она привыкла рисовать схемы так, чтобы их понимали даже коллеги, которые ничего не понимают.

— Вот эту жемчужину, — сказала она, — нужно сточить с одной стороны. До плоского среза. Видите эту черту? Здесь. И отполировать до зеркального блеска. Срез должен быть идеально плоский — это очень важно. Если есть малейший наклон или волнистость, она будет давать искажение.

Шенн смотрел на эскиз.

— А вторая сторона? — спросил он. — Так и оставить выпуклой?

— Так и оставить. Но тоже отполировать. Без единой царапины. До зеркального блеска. Понимаете?

— Понимаю. Сколько раз вы хотите, чтобы я это сделал?

Вера моргнула.

— В смысле — сколько раз?

— Чтобы получилось то, что нужно. Я могу за день сделать одну попытку. Если первая не подойдёт — я возьму вторую жемчужину. У меня будет столько попыток, сколько мне дадут жемчужин. Я хочу понять, на сколько мне рассчитывать времени.

«Хороший вопрос», — подумала Вера.

— Сколько обычно у вас получается с первого раза?

— С первого — никогда. С третьего — почти всегда.

— Хорошо. Тогда давайте три. Если третья не подойдёт — мы поговорим.

Шенн коротко кивнул. Взял жемчужину. Положил её в маленькую кожаную коробочку.

Сказал:

— Я пришлю в течение трёх дней.

— Можно быстрее?

Шенн на неё посмотрел.

— Госпожа, — сказал он. — Если я сделаю быстрее, я сделаю плохо. Если я сделаю плохо, ваша линза покажет вам кривую картинку. Кривая картинка, я так понимаю, вам не нужна.

— Не нужна.

— Тогда три дня.

Вера развела руками. Согласилась. Шенн вышел.

Тэо, всё это время стоявший у двери, осторожно подошёл.

— Просто Вера, — сказал он. — Я могу спросить?

— Спросите.

— Что мы будем делать три дня? Пока мастер Шенн работает?

Вера посмотрела в окно. Из окна был виден кусочек дворцового сада и за ним — кусочек крыши какого-то дальнего корпуса. Над крышей плыло то самое невозможное синее небо.

— Три дня, — сказала она, — мы будем делать всё остальное.

Она составила список. Прямо за тем длинным столом в кабинете, на куске пергамента, который Тэо ей дал. Список выглядел так:

1. Найти плесень.
2. Найти серу.
3. Найти травника, который знает местные растения.
4. Осмотреть кухню — узнать, что ест император.
5. Осмотреть купальню — узнать, в чём моется император.
6. Найти аптеку или склад с лекарственными запасами.
7. Поговорить с придворными магами.
8. Не убить Лорда Верана.

Последний пункт она вычеркнула, подумала и вписала заново.

— Что это? — спросил Тэо, заглянув через плечо.

— Список того, что мы будем делать.

— А последний пункт?

— Это для меня лично. Профессиональная задача. Сложная.

Тэо ничего не сказал, но Вера видела, что он еле сдерживает улыбку.

— Тэо. Где у вас тут плесень?

— Плесень?

— Плесень. На хлебе. На сыре. На фруктах. Где-нибудь, где есть органика и тепло — там должна быть плесень.

Тэо задумался.

— На кухне, наверное. И в подвале. И в Восточном крыле есть библиотечный подвал, там очень сыро, и я знаю, что там стоят бочки с забытыми соленьями — повара говорят, что туда не лазили лет двадцать.

— Идём в библиотечный подвал.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Тэо снова кивнул. Вера видела, что у него на лице — впервые с момента их знакомства — было что-то живое. Любопытство. У него горели глаза.

«Хорошо, — подумала Вера. — Это правильный ассистент. С горящими глазами далеко идут.»

Библиотечный подвал был великолепен.

Вера сама себе удивилась — она была не из тех, кто восхищается грибом. Но этот подвал был, с её профессиональной точки зрения, просто Эльдorado. Низкие сводчатые потолки, каменные стены, сырость, прохлада. Между бочками — бледно-зелёные, голубовато-серые, чёрные с белым ободком, нежно-розовые колонии плесени всех возможных видов. Запах — землистый, кислый, грибной — был для Веры запахом надежды.

Тэо прикрыл нос рукавом.

— Тут страшно, — пробормотал он.

— Тут красиво, — поправила Вера. — Просто вы не привыкли. Дайте мне те маленькие глиняные горшки, которые мы взяли. И крышки.

Они собирали образцы час. Вера брала по чуть-чуть с каждой колонии — белые, голубовато-зелёные, бархатистые, ватные. Подписывала горшки углём — по местоположению: «дальняя стена, нижняя полка», «бочка с соленьями, северный край», «угол у двери, на тряпке». Тэо подавал и держал. К концу часа у них было пятнадцать образцов.

— Зачем нам столько? — спросил Тэо.

— Потому что я не знаю, какие из них работают, — сказала Вера. — В моём мире из тысяч плесеней только несколько штук дают то, что мне нужно. Я надеюсь, что хотя бы одна из этих пятнадцати — это что-то полезное. Когда у нас будет микроскоп, я их посмотрю и выберу самые перспективные. Дальше будем размножать на питательной среде.

— Питательной среде?

— Это такая еда для плесени. Чтобы она росла.

Тэо посмотрел на горшок с зеленовато-голубой колонией.

— И вы будете её выращивать?

— Буду.

— Внутри дворца?

— Внутри дворца.

Тэо помолчал. Потом сказал, очень серьёзно:

— Просто Вера. Я не уверен, что Семь Голосов это одобряют.

— А я уверена, что не одобряют.

— И что?

Вера выпрямилась. Отряхнула колени.

— Тэо, — сказала она. — Слушайте меня внимательно. У нас тридцать дней. У меня одна задача: вылечить пациента. Я не могу тратить время на то, чтобы кому-то нравиться. Если Семь Голосов хотят со мной поговорить — пусть приходят и говорят. Я отвечу. Если они хотят запретить мне работать — пусть запрещают императору, а не мне. У меня от него есть прямое разрешение. Понимаете?

— Понимаю.

— Хорошо. Берите горшки. Идём искать серу.

Сера нашлась в часовой башне.

Это было неожиданно. Вера, расспрашивая по дороге слуг, ожидала найти серу где-нибудь у алхимиков или в кузнечном крыле. Но в часовой башне — четырёхэтажной, тонкой, стоящей у юго-восточного угла дворца — Тэо вспомнил, что там хранят запасы серы для часовых механизмов. Сера в Архипелаге, как объяснил он, использовалась для пропитки тонких нитей, которыми соединялись детали водяных часов: она защищала от ржавчины, грибка и каких-то морских насекомых, которые иначе съели бы нити за месяц. Запасы были небольшие, но чистые — жёлтая, кристаллическая, в маленьких глиняных банках.

Часовой мастер, седой и молчаливый, спорил с Верой полчаса. Потом ему сказали, что приказ от Айри (Айри, оказывается, имела вес — Вера сделала зарубку на память), и часовой мастер сдался. Выдал ей две банки серы. Сказал, что больше нет, и больше не будет до следующего сезона. Вера согласилась — на её первые опыты двух банок хватало с запасом.

К вечеру у неё в кабинете лежали: пятнадцать горшков с плесенью, две банки с серой, три пучка местных трав, которые Тэо опознал как имеющие, возможно, целебные свойства, и кувшин с морской водой.

К вечеру у неё в кабинете стояло шесть человек в синих рясах.

Они появились, как появляются плохие новости — без предупреждения, тихо и сразу. Вера, заходя в свой кабинет с очередным горшком, обнаружила их стоящими полукругом перед её рабочим столом. Шесть мужчин и одна женщина. Все в одинаковых длинных синих рясах с капюшонами, отброшенными на спины. У каждого на груди — медальон в форме открытого рта. Возрастов — от тридцати до семидесяти. Лица — все одинаково постные и неприветливые, как будто их вырезали из одного куска бледного дерева.

Тэо, шедший за Верой с двумя горшками, споткнулся на пороге. Чуть не выронил горшки. Прошептал:

— Семь Голосов.

— Шесть, — сказала Вера. Она остановилась в двух шагах от ряс. Голос у неё вышел спокойный. — Один отсутствует?

Самый старый из синих — высокий, худой, с длинной седой бородой — выступил вперёд.

— Седьмой — это Голос Глубины. Он сейчас при Его Величестве. Мы пришли без него. Меня зовут Первый Голос Аммар. Я возглавляю Совет.

— Очень приятно, — сказала Вера. — Меня зовут Вера. Я думаю, вы это уже знаете.

— Знаем.

— Тогда давайте сразу к делу. Я устала и хочу есть. Что вы от меня хотите?

Первый Голос Аммар чуть приподнял брови. Видимо, он не привык к тому, чтобы к нему обращались таким тоном. Видимо, он привык к долгим вступлениям и приветствиям. Видимо, в этом дворце вообще никто не привык к тому, как разговаривает Вера, и это начинало становиться её фирменным приёмом.

— Госпожа Вера, — сказал он. — Мы пришли выразить нашу обеспокоенность.

— Слушаю.

— Вы поставили Его Величеству диагноз, не имея на это полномочий. Вы начали собирать в стенах дворца материалы, природа которых нам не ясна, но которые, по нашим сведениям, включают грязь из подвалов, минералы из часовых башен и неопознанные растения. Вы намерены, как нам стало известно, давать Его Величеству препараты, изготовленные из этой грязи, минералов и растений.

— Верно, — сказала Вера. — С небольшим уточнением. Это не грязь. Это плесень. Из плесени получают вещества, которые лечат. У нас это называется антибиотиками. У вас, я понимаю, такого нет — поэтому я делаю сама.

— Госпожа Вера, — сказал Аммар. — Мы изучали болезнь Его Величества целый год. Мы — лучшие маги Семи Течений. Мы пробовали разные подходы. Мы вели наблюдение. Если бы лечение было таким простым, как вы описываете, мы бы давно нашли его.

Вера сложила руки за спиной. Подумала, как сказать вежливее. Решила, что вежливее не получится — потому что эти люди ей в принципе не нравились, и они это чувствовали, и она это чувствовала. И поэтому сказала так, как сказала:

— При всём уважении, Первый Голос Аммар. Вы не нашли лечения, потому что вы искали проклятие. А это не проклятие. Это болезнь. Это разные категории. Когда ищешь не там, где потерял, не находишь по очень простой причине.

В рядах синих ряс произошло движение. Не громкое. Но отчётливое. Вера читала это движение как «вы только что нас оскорбили, и сейчас мы будем разбираться, насколько».

— Госпожа Вера, — медленно сказал Аммар. — Вы намерены давать Его Величеству настои из плесени.

— Я намерена сначала проверить плесень под микроскопом. Если плесень даст нужное вещество — да, намерена.

— Из плесени, — повторил он. — Из плесени.

— Из плесени.

— Госпожа. — Голос Аммара стал очень тихим. — Я хочу, чтобы вы поняли. Вы говорите о том, чтобы императору Семи Течений — потомку драконов, наследнику Первой Династии, владыке этого мира — дать гнилое. Плесень — это то, что мы выбрасываем. То, что недостойно даже черни. И вы хотите дать это Ему.

Вера посмотрела на Аммара долго. Потом сказала, очень спокойно:

— Первый Голос Аммар. У вас в этом мире плесень — это то, что выбрасывают. У меня в мире плесень — это то, что спасло за последние сто лет больше жизней, чем все ваши маги, вместе взятые, спасли за всю историю. У меня нет времени менять ваши представления о том, что красиво, а что нет. У меня есть пациент, и у меня тридцать дней. Если вы хотите со мной спорить — спорьте с императором. Я к нему завтра в полдень. Хотите — приходите тоже.

— Госпожа Вера. — Аммар сделал шаг вперёд. — Если вы причините вред Его Величеству — вы знаете, что вас ждёт?

«Знаю, — подумала Вера. — Очень примерно, но знаю.»

Она сказала:

— Знаю. Но я не собираюсь причинять ему вред. Я собираюсь его лечить. Это разные глаголы.

Аммар смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом коротко склонил голову — едва-едва, на сантиметр.

— Мы понимаем друг друга, — сказал он. — Я доложу Совету о нашем разговоре. И я лично буду присутствовать завтра при вашей встрече с Его Величеством. Это моё право как Первого Голоса.

— Пожалуйста.

— Доброй ночи, госпожа Вера.

— Доброй ночи.

Они вышли. Все шестеро, цепочкой, в одинаковом ритме. Дверь закрылась беззвучно.

Тэо, стоявший у двери всё это время, наконец опустил руки. Он держал два горшка плесени, как держат хрупкие хрустальные вазы, — на отлёт, чтобы не задеть.

— Просто Вера, — тихо сказал он. — Это было.

— Что?

— Это было — нехорошо.

— Я знаю.

— Они вас не оставят.

— Я знаю.

— И они опасны.

— Я знаю, Тэо. Поставьте горшки. Будем работать.

Они работали до поздней ночи.

Вера разложила образцы плесени по столу — каждый в свой горшок, с табличкой. Тэо принёс ей бумагу и тонкое перо. Она нарисовала каждую колонию как могла: цвет, форму, текстуру. Подписала номера. Тэо переписывал её каракули на местный язык — оказалось, что он действительно умел писать, и красиво — у него был ровный аккуратный почерк, который сейчас, в темноте, при свете масляных ламп, выглядел почти каллиграфическим.

Потом она нарисовала схему того, как будет устроен микроскоп.

Это была самая древняя из её студенческих привычек — рисовать схемы. Когда она готовилась к экзаменам, она рисовала всё, что не могла запомнить: рефлекторные дуги, анатомию сердца, кровообращение печени. Сейчас она рисовала Левенгуковский микроскоп — как уже сто раз видела на картинках в учебниках, и как однажды, на четвёртом курсе, держала в руках в музее истории медицины. Маленькая металлическая пластина с дырочкой в центре, в которой закреплена линза. По одну сторону пластины — острая игла, на которую насаживается образец. По другую сторону пластины — глаз исследователя.

В её версии вместо металлической пластины — деревянная (мастер плотник уже сделал). Вместо стеклянной линзы — отшлифованная жемчужина (которую через три дня принесёт Шенн). Игла — медная, тончайшая (есть уже). Источник света — солнце через окно, отражённое в зеркале и направленное на образец снизу.

Все детали лежали перед ней. Не хватало только главного — жемчужной линзы.

Тэо подошёл сзади и заглянул через её плечо.

— Просто Вера, — сказал он. — Это что?

— Это микроскоп.

— Это — микроскоп?

— Да.

— Который покажет мицелий грибка?

— Который покажет мицелий грибка. И ещё много чего. Если линза получится хорошая — мы увидим даже бактерии. Это совсем маленькие.

Тэо долго смотрел на чертёж. Потом сказал:

— У нас в Академии говорили, что увидеть невидимое — это великая магия. Что только Голоса самого высокого ранга могут это делать. Что для этого нужны годы тренировок.

— А?

— А вы сейчас, — он показал пальцем на чертёж, — нарисовали машину, которая это делает без магии. На бумаге. За полчаса.

Вера подняла на него глаза.

— Тэо.

— Что?

— Это не магия. Это оптика. Это древняя наука у нас на родине. Этому учат школьников. То, что мы будем делать, — это не чудо. Это просто работа.

— Не для меня, — сказал Тэо тихо. — Для меня это чудо.

И в его глазах в этот момент Вера увидела то самое, ради чего она пошла в ветеринары одиннадцать лет назад. То выражение, ради которого она терпела клиентов и зарплату. Выражение человека, который смотрит, как делают, и понимает, что мир — не такой, как ему говорили.

Она вернулась к чертежу. Сказала, не глядя на Тэо:

— Учить буду, если захотите.

— Что?

— Если захотите учиться у меня — буду учить. Не магии. Тому, что делаю я. Это другое. Может быть, у вас оно тоже работает. Может быть, и не работает. Но если хотите — учитесь.

Тэо помолчал.

— Я хочу, — сказал он.

— Хорошо.

Они вернулись к работе.

Завтра в полдень была встреча с императором.

Вера долго думала, что взять с собой. Микроскопа ещё не было. Лекарств ещё не было. Полноценного обследования она ещё не провела. Завтра, по идее, была встреча для того, чтобы продолжить осмотр и взять у него образец чешуи с поражённого участка — без этого ничего не двигалось дальше.

Она собрала: маленький набор простых инструментов, которые Тэо принёс из кухни (пинцет, маленький нож, тонкие щипцы — всё прокипячённое в её присутствии); чистую глиняную тарелку; пузырёк с морской водой (на случай, если потребуется что-то промыть); и одну из тех тоненьких медных игл, которые ей сделал ювелир.

Перед тем как лечь, она долго стояла у узкого окна и смотрела в дворик. В дворике сидела ночная птица — местная, не похожая на земную, с длинным хохолком — и пела. Пение было низкое, гулкое, на одной ноте, повторяющееся каждые пять секунд. От него почему-то делалось спокойнее.

Вера думала о завтрашнем.

Она думала о том, что Аэдрис вчера сидел в этом кресле, и поза у него была усталая. О том, что у него высокий пульс — а это значит, что сердце работает с перегрузкой. О том, что у него тахипноэ — а это значит, что лёгким тоже плохо. О том, что бледность с желтоватым оттенком на висках — это, скорее всего, начавшийся гепатотропный эффект инфекции: грибок добрался до печени, и она уже не справляется. О том, что если она не начнёт лечить через три дня — через три дня может быть поздно.

Она думала о его глазах. Об этих вертикальных голубых зрачках и о том, как они расширились на долю секунды, когда её палец коснулся его кожи.

«Статика, — сказала Вера сама себе очень твёрдо. — Это была статика. И больше я об этом не думаю.»

Думалось ей об этом ещё минут двадцать.

Потом она наконец уснула.

И — она не запомнила этого, потому что во сне никто ничего не запоминает, кроме самих драконов, которым сны не должны сниться, — ей снилось море. Тёплое, чужое, голубое море, в котором над ней медленно плыла гигантская манта с тёмными пятнами на спине. Манта смотрела на неё одним круглым глазом и не подмигивала. Она смотрела очень серьёзно — как ассистент, который ждёт следующего распоряжения.

В далёких покоях Лазурного Двора, на другом конце дворцового комплекса, Аэдрис Глубинный не спал.

Он лежал на спине, в темноте, с открытыми глазами. Шёлковый полог над ним едва шевелился. Жасмин в курительнице — новый, не вчерашний, — горел тонкой нитью аромата. Под рёбрами у него было то, что обычно: тупая, ровная боль, от которой он научился не отвлекаться.

Но было и что-то ещё.

Что-то новое.

Когда она утром коснулась его пальцем, что-то — он не мог бы назвать словом, потому что слова для этого ещё не было придумано ни на одном из языков, которые он знал, — что-то под его грудиной сдвинулось. На один волосок. На полволоска. Незаметно. Незаметно так, что любой другой дракон, в любой день своей здоровой жизни, не обратил бы внимания.

Но Аэдрис не был здоров. И — впервые за четырёхста двенадцать лет — он не понимал, что с ним происходит.

Он лежал и думал. Думал медленно, как думают драконы: возвращаясь к одной и той же мысли с разных сторон, как волна, которая прокатывается по одному и тому же камню много раз, прежде чем хоть на миллиметр его сточить.

«Сон. Боль. Чужестранка. Палец. Сдвиг. Сон опять.»

Все эти вещи стояли в каком-то порядке, который он не мог пока прочесть, но он знал — прочтёт. Драконы умеют ждать. Драконы умеют долго не понимать и в какой-то момент понять.

В коридоре за дверью шептались стражи — те самые, в тёмно-синих доспехах. Они шептались каждые два часа, когда сменялись. Сегодня они шептались тише обычного. Аэдрис, прислушавшись, разобрал имя: «Лорд Веран».

Он повернул голову на подушке. Прикрыл глаза.

Веран. Конечно, Веран. Веран не давал ему спать с того дня, как болезнь стала видимой невооружённым глазом. Веран был неутомим: советовал, предлагал, навещал, выказывал глубочайшую скорбь. Веран был старший сын Дома Чёрного Течения, второй по богатству и по влиянию в Семи Течениях. Веран был его дальним родственником — пятая или шестая степень родства, через двух императриц и одного отступника. Веран никогда не говорил Аэдрису ничего, чего нельзя было бы повторить публично. Веран был, по всем формальным признакам, идеальный придворный.

И именно поэтому Аэдрис не доверял ему уже лет пятнадцать.

Сегодня в зале Веран сделал две вещи, которых раньше не делал. Во-первых, он встал, когда Аэдрис не давал ему слова. Во-вторых, он прямо в глаза назвал чужестранку убийцей. Это было не в его стиле. Веран обычно работал намёками, чужими руками, через третьих лиц. Прямые обвинения были признаком того, что Веран занервничал.

«А почему он занервничал?» — подумал Аэдрис.

И тут же сам себе ответил.

Потому что чужестранка может вылечить. А Веран, видимо, не хочет, чтобы император вылечился.

Это была мысль простая. И страшная. И настолько укладывающаяся во всё, что Аэдрис давно подозревал, что её и проверять не надо было: всё подтверждалось одной этой нервозностью. Веран был игрок. Игроки не нервничают, когда ставка низка. Веран нервничал — значит, ставка для него была высокая.

Значит, у него что-то стояло на кону. Что-то такое, что чужестранка могла отнять.

Аэдрис открыл глаза. Посмотрел в темноту. И впервые за долгое время улыбнулся не горько, а жёстко — той улыбкой, которой он улыбался в первые свои сто лет, когда ещё не разучился сражаться.

— Лечи меня, дочь моря, — сказал он шёпотом в темноту. — Лечи меня, и посмотрим, что начнёт шевелиться в этом дворце, когда я снова смогу шевелиться сам.

Боль под рёбрами в этот момент прокатилась вверх и вниз. Аэдрис привычно подождал, пока она пройдёт.

Где-то в другом конце дворца у узкого окна сидела ночная птица и пела на одной ноте.

Где-то в Восточных Покоях молодая женщина, которую сюда принёс океан, спала и видела во сне манту.

И где-то очень далеко, в Доме Чёрного Течения, в комнате без окон, при свете одной лампы Лорд Веран писал письмо.

Письмо было короткое. Он писал его сам, без писаря — это было важно, чтобы никто, кроме него, не видел почерка.

«Срочно, — писал он. — План меняется. Появилась проблема. Подробности при встрече. Жду тебя на старом месте через семь дней. Если опоздаешь — я начну без тебя.»

Он не подписался. Запечатал письмо чёрным воском без печати. Подошёл к окну. Открыл его. Свистнул — низко, коротко.

На свист с тёмного двора поднялся, рассекая воздух кожаными крыльями, маленький почтовый драк. Сел на край подоконника. Взял письмо в когти. Улетел.

Веран закрыл окно. Подошёл к своему столу. Налил себе вина. Выпил. Посмотрел в темноту перед собой долго.

— Чужестранка, — сказал он тихо. — Дочь моря. Ну посмотрим. Ну посмотрим, какая ты у нас сильная.

Глава 5. Осмотр

Третий день начался для Веры с того, что она проспала.

Она проснулась от того, что в гостиной кто-то осторожно, очень осторожно, чтобы её не разбудить, переставлял глиняную посуду. Стук был еле слышимый. Вера, не открывая глаз, лежала ещё минуту, пытаясь по этому стуку определить, какой это год её жизни. По стуку получалось — никакой. Ни в одной из квартир, в которых она жила за двадцать девять лет, никто никогда не ходил так осторожно, и никто никогда не переставлял посуду в её гостиной.

Потом она вспомнила. Открыла глаза. Окно. Свет. Слишком много света для того часа, в который она собиралась проснуться.

Она села. Свет был полуденный — не утренний.

— Тэо? — сказала она.

— Иду! — раздалось из гостиной. И через две секунды в дверях появился Тэо, в той же светлой рубашке и тёмных штанах, с тем же ровно-аккуратным выражением лица.

— Какой час?

— Десятый, Вера.

— А почему вы меня не разбудили?

— Госпожа Иссара сказала, чтобы я не будил вас до десяти. Она сказала: «Девочка вчера не спала ночь, ей сегодня в полдень — трибунал, пусть отдохнёт хоть до десяти». Я отдыхал в коридоре.

Вера моргнула.

— Какой трибунал?

— Госпожа Иссара утром приходила. Сказала, что Его Величество распорядился: встреча с врачом будет не в личных покоях, а в Малом Зале. С Семью Голосами. С Лордом Вераном. С советниками. С писарями для протокола. — Тэо посмотрел на неё извиняющимся взглядом. — Простите. Это её слово, не моё. «Трибунал».

Вера встала. Голова чуть кружилась — она и правда мало спала, заснула только под утро. Села обратно на край кровати. Подумала.

— То есть, — сказала она, — за два часа до встречи мне сообщают, что у меня будет публичный осмотр пациента перед судом из десяти человек.

— Двенадцати, — поправил Тэо. — Если считать стражников у двери.

— Великолепно.

— Хотите завтрак, Вера?

— Хочу.

Каша в это утро была не из рисового жемчуга, а из чего-то более тёплого, оранжевого, со специями. Тэо называл это утренней кашей из рассвета, что Вера сочла избыточно поэтичным для блюда из варёной тыквы; но было вкусно. Пока она ела, Тэо ходил по гостиной и рассказывал, что приготовлено к встрече, что плесень за ночь хорошо прижилась — на трёх площадках уже виднелся свежий рост, что мазь готова, что серный порошок отмерен, что отвар сварен и доводится до нужной концентрации. У него выходило по-деловому, чётко, без лишних слов. Вера слушала и думала, что за два дня этот парень превратился из растерянного выпускника-неудачника в её правую руку — а ведь у неё на земле такие ассистенты вырабатывались годами.

— Тэо, — сказала она, доедая кашу.

— Да.

— Я хочу спросить.

— Спрашивайте.

— Вы знаете, что такое «жемчужина сердца» у дракона?

Тэо моргнул. Подумал.

— Знаю что-то, — сказал он. — Все знают что-то. Это часть детских историй. Каждый ребёнок в Архипелаге слышит к семи годам, что у дракона в груди живёт жемчужина. Это как у вас, наверное, сердце с биением — у нас сердце с жемчужиной. Подробнее — у меня никаких знаний. В Академии нас этому не учили. Это знают жрецы Семи Голосов и сами драконы.

— И ещё, наверное, Иссара?

— И ещё госпожа Иссара. — Тэо помолчал. — Она вообще, знаете, очень много знает того, что не положено знать обычным людям.

— А почему?

— Не знаю, Вера. Никто не знает. Она тут... ну, она всегда тут была. На моей памяти. На памяти моего отца. На памяти, я думаю, его отца. Сколько ей лет — я не знаю.

— А она дракон? — впервые прямо спросила Вера.

Тэо посмотрел на неё долго.

— Об этом не говорят, Вера, — сказал он тихо. — При дворе. Это считается невежливым — задавать такой вопрос. Если человек хочет, он сам скажет. Если не хочет — не спрашивают.

— Хорошо, — сказала Вера. — Я тогда сама спрошу её. Не вас. Спасибо.

— Пожалуйста.

Она встала. Закончила завтрак, оделась — теперь, на третий день в этом мире, она уже умела сама заплетать волосы по-местному, в косу с тонкой серебряной нитью, которую вплетал Тэо. Серебряную нить вплетали все женщины во дворце; это означало, что женщина «приставлена к делу». У служанок нить была медная, у мастериц — серебряная, у знатных — золотая. Тэо принёс ей серебряную утром первого дня и сказал, что Иссара так распорядилась. Вера тогда не поняла, что это знак, и носила косу как Бог на душу положит. Сегодня поняла. Сегодня серебряная нить казалась почти доспехом.

Сумку с инструментами она проверила лично. Пинцет, два маленьких ножа, медные иглы, четыре глиняные плоски с крышками (две сухие, две с морской водой), маленькая льняная палочка, тарелка, тряпки. Тэо принёс ещё мешочек с серовато-зелёными листьями травника, банку с готовой мазью и кувшинчик с серным порошком — это всё для демонстрации плана лечения, не для самой процедуры. Все плоски она ещё раз протёрла — изнутри и снаружи — горячей водой, в которую добавила несколько капель крепкого вина.

В половину двенадцатого пришла Айри. В руках у неё была маленькая шёлковая коробочка.

— Госпожа, — сказала она. — Пора. Возьмите.

Она открыла коробочку. На тёмно-синем шёлке лежал маленький перламутровый диск, размером с ноготь большого пальца, с тонкой серебряной цепочкой. На диске был вырезан завиток течения.

— Что это? — спросила Вера.

— Знак доступа, — сказала Айри. — Его Величество распорядился вчера. С этим знаком вас будут пропускать в любую часть дворца, в любое время, без сопровождения. Это очень редкий знак. За всю мою жизнь во дворце я видела его всего на четырёх шеях. Госпожа Иссара. Лорд Веран. Первый Голос Аммар. Теперь — вы.

Вера взяла диск. Он был лёгкий и тёплый, как будто только что лежал на солнце. Перламутр у неё в руках напомнил ей о Шенне и о той жемчужине, которую он отшлифует к послезавтра. Она почему-то улыбнулась — впервые за это утро.

— Носить как ожерелье?

— Да. Под рубахой или поверх — на ваше усмотрение. Главное — не снимать.

Вера надела цепочку через голову. Диск лёг под ключицу — холодный сначала, но через минуту тёплый, как кожа.

— Идёмте, — сказала она.

Малый Зал был не таким большим, как тронный, но и не маленьким. Это был квадратный зал с низким потолком, с окнами на одну сторону — окна выходили во внутренний двор, и оттуда лился ровный полуденный свет. По стенам — простые скамьи. В центре — невысокое деревянное возвышение в форме круга. На возвышении — обычное кресло, не трон, а именно кресло, низкое, с подлокотниками. В кресле — Аэдрис.

Он был одет проще, чем когда она впервые его увидела, но в той же манере: свободная белая рубаша, тёмные штаны, мягкие сапоги. Никаких знаков отличия, кроме тонкого серебряного обруча на лбу — Вера видела его впервые. Видимо, это был знак, что он сейчас выступает в официальном качестве, а не приватно.

Вокруг возвышения, на скамьях, расположились остальные.

Семь Голосов сидели полукругом справа: семь одинаковых синих ряс, семь одинаково постных лиц. На этот раз и Седьмой был тут — высокий худой мужчина лет шестидесяти, с глубокими тенями под глазами и руками, которые слегка дрожали; это был, видимо, тот самый Голос Глубины, который год лечил Аэдриса безуспешно. На его лице, в отличие от лиц прочих Голосов, было какое-то живое выражение — что-то среднее между усталостью и любопытством. Он был единственный из ряс, кто посмотрел на Веру с искренним интересом.

Слева — Лорд Веран. В чёрном, как и в первый раз. Один, без свиты. Сидел свободно, чуть откинувшись на скамью, как зритель в театре, пришедший на хорошую постановку.

В дальнем углу — Иссара. Тоже одна, с тростью. Старуха была одета во что-то серое и неприметное, и если не знать, что она там, её можно было не заметить. Она была там, чтобы видеть и слышать, не чтобы участвовать.

Два седых старика-советника — в дальней части скамей, шептались между собой и не обращали внимания на происходящее.

Два писаря — за маленьким столиком в углу, оба с пергаменами и тонкими перьями.

Тэо встал у стены, держа сумку обеими руками перед собой. Вера, посмотрев на эту постановку, поняла одну простую вещь: это не консилиум. Это трибунал, как и сказала Иссара. Аэдрис посадил её в центр круга, чтобы все могли видеть, и поставил Семь Голосов как обвинение, Верана как зрителя, Иссару как тайного свидетеля защиты. Если Вера выстоит — её методы получают государственное одобрение, и Семь Голосов больше не смогут им мешать. Если не выстоит — её аккуратно отправят домой искать обратный путь, и Веран будет смеяться весь следующий месяц.

«Хорошо, — подумала Вера. — Я работала с экзаменационными комиссиями. Это просто комиссия.»

Она подошла к возвышению. Поклонилась головой.

— Доброе утро, Ваше Величество.

— Доброе утро, госпожа Вера. — Аэдрис говорил официальным тоном, и это было правильно: он играл свою роль. — Сегодня вы проведёте предварительное обследование. Все ваши действия будут записаны в протокол. Перед каждым действием вы объясните Семи Голосам и Совету, что собираетесь делать и зачем. Если кто-то из присутствующих имеет возражение — он его выскажет, и я его выслушаю. Окончательное решение — за мной. Согласны?

— Согласна, — сказала Вера.

— Начинайте.

Она открыла сумку. Достала инструменты. Разложила их на маленьком столике, который писарь по знаку Аэдриса быстро поднёс к возвышению: пинцет, нож, медные иглы, четыре плоские крышки, маленькая глиняная палочка, обмотанная чистой льняной нитью, чашечка с морской водой.

— Первое, — сказала она громко, чтобы слышали все. — Я проведу общий осмотр. Это значит: я посмотрю на цвет кожи, цвет белков глаз, состояние слизистых рта, прощупаю лим-

фатические узлы под нижней челюстью и в подмышечных впадинах. Это не вторжение в тело. Это поверхностный осмотр, который позволяет понять, насколько глубоко зашла системная инфекция.

— Системная инфекция, — повторил Первый Голос Аммар. Голос у него был такой, как будто он произносил название отвратительного блюда. — Этот термин не существует в нашей медицине. Прошу зафиксировать в протоколе, что обвиняемая использует терминологию, неизвестную Совету Семи.

Один из писарей быстро заскрипел пером.

Вера выпрямилась.

— Я не обвиняемая, — сказала она ровно.

— Прошу прощения, — тонко улыбнулся Аммар. — Я хотел сказать «лекарь». Машинально.

Вера в этот момент очень внятно поняла, что её мнение о Первом Голосе Аммаре можно сформулировать одним словом, и слово это в местном торговом наречии, скорее всего, было запрещено к использованию в официальных протоколах. Поэтому она не стала его произносить. Сказала вместо этого:

— Хорошо. Зафиксируйте: «использует терминологию, требующую разъяснения». Я готова разъяснять. Системная инфекция — это болезнь, которая вышла за пределы того места, где началась, и распространилась по всему телу через кровь и лимфу. У Его Величества болезнь началась на груди и теперь, как мы позавчера установили, дошла до запястий. Это значит — она движется по телу. Это значит — она системная. Кратчайшее объяснение я закончила.

Аммар поджал губы.

— Продолжайте.

Вера подошла к Аэдрису. Тот, не дожидаясь просьбы, поднял подбородок. Вера, став сбоку, аккуратно оттянула пальцем его нижнее веко вниз — посмотрела на белок. Желтоватый. Не сильно, но отчётливо. Гепатотропный синдром, как она и подозревала, прогрессирует.

— Желтушность склер, — сказала она вслух. — Лёгкая. Это значит, что печень начала страдать от длительного воспаления. Это важно для дозировки лекарств в будущем — печень основной орган, который перерабатывает лекарства, и если она ослабла, нам нужно начинать с минимальных доз.

Перо писаря заскрипело быстрее.

Она попросила Аэдриса открыть рот. Тот открыл. Вера, наклонившись, посмотрела на нёбо, под язык, на дёсны. Слизистые в общем чистые, без поражений. Это означало, что грибок пока не системный в полном смысле — он не добрался до внутренних слизистых. Это была хорошая новость. Это означало, что у них есть время.

— Слизистые ротовой полости — чистые, — сказала она. — Это значит, что грибок ещё локализован в кожно-чешуйчатом покрове. Внутрь он пока не проник. Это хорошая новость: мы успели вовремя.

— Никто из нас в это не верит, — сказал Аммар.

— Я не прошу вас верить. Я прошу вас слушать. Спорить будете в другой раз.

Седьмой Голос — Голос Глубины — в этот момент впервые подал голос. Голос у него был тихий, ровный.

— Я считаю, что обвиняемая... прошу прощения, лекарь — права. Я тоже наблюдал чистоту слизистых на прошлой неделе. Я думал, это значит, что болезнь концентрируется в чешуйчатом покрове по причине магической природы поражения. Но если это инфекция, как утверждает лекарь, — да, это согласуется с её гипотезой.

Аммар повернул голову к нему так резко, что косичка волос ударила его по щеке.

— Седьмой.

— Я говорю то, что вижу, Первый, — сказал Голос Глубины. — Я слушаю, и я не возражаю там, где не вижу повода возражать.

В рядах синих ряс прокатилось маленькое, недовольное движение. Аммар сжал челюсти. Вера, не давая им времени собраться, сразу перешла к следующему пункту.

— Лимфоузлы.

Она прощупала под нижней челюстью с одной стороны, потом с другой. Увеличены, как она и помнила с позавчерашнего осмотра в тронном зале. Симметрично.

— Под нижней челюстью оба лимфоузла увеличены, — сказала она. — Симметрично. Это подтверждает системный характер воспаления. Тело реагирует на инфекцию по всей длине лимфатической системы шеи.

— Лекарь Вера, — вмешался Аммар, не вставая. — В нашей традиции принято говорить, что прикосновение к императорскому телу должно сопровождаться предварительным освящением рук. Я не вижу, чтобы вы прошли эту процедуру.

— Я вымыла руки мылом и горячей водой, — сказала Вера. — Я обработала их горячим вином, как обрабатывают руки лекари в моём мире. С точки зрения чистоты — это лучше любого освящения. С точки зрения вашей традиции — я готова пройти и освящение, если оно безвредное и быстрое.

— Это оскорбление, — медленно сказал Аммар. — Сравнить нашу освящающую процедуру с горячим вином.

— Я не сравниваю. Я предлагаю компромисс. У нас тридцать дней. Решайте, нужны ли вам ритуалы или нужен живой император.

В зале наступила тишина.

Аэдрис, сидевший до этого молча, чуть-чуть пошевелился в кресле.

— Аммар, — сказал он спокойно. — В этой комнате есть только один человек, чьё мнение по вопросу «живой император против ритуалов» имеет вес. Это я. И я сообщаю вам, что я предпочту первое. Если хотите освятить руки госпожи Веры — освящайте. Только быстро.

Аммар поджал губы. Сделал короткий жест в сторону одного из младших Голосов. Тот поднялся, подошёл к Вере с маленькой серебряной чашей с водой. Спел над ней — это был короткий гудящий распев, длиной секунд двадцать, и вода в чаше при этом чуть-чуть завибрировала, как будто по её поверхности побежала мелкая рябь. Вера, удивлённая, посмотрела на воду. Это было первое практическое проявление местной магии, которое она увидела, и она про себя отметила: магия настоящая, не выдуманная; что-то в этой воде сейчас действительно сделалось другим.

— Окуните руки, госпожа лекарь, — сказал младший Голос.

Вера окунула. Вода была обычной температуры. Никаких ощущений. Она вынула руки, вытерла их о чистую льняную тряпку, которую Тэо ей подал.

— Спасибо, — сказала она. — Готова продолжать.

Аммар молчал.

Она прощупала подмышечные узлы — справа увеличены, слева тоже, но меньше. Это могло быть значимо для определения, с какой стороны инфекция активнее, и Вера сделала пометку в памяти.

— Подмышечные лимфоузлы увеличены, асимметрично, — сказала она. — Активность процесса справа выше. Это значит, что очаг где-то в правой части тела. Возможно, на груди справа.

Тут впервые подал голос Лорд Веран. Голос у него был как обычно — тёплый, бархатный, удивительно приятный.

— Госпожа Вера. Можно вопрос?

Она повернулась. Он сидел всё в той же позе зрителя, и улыбка у него была тоже зрительская — приветливая, ничего не значащая.

— Слушаю, Лорд Веран.

— Вы сейчас говорите о теле Его Величества как анатом, который вскрывает кролика. Очень профессионально. Очень холодно. Очень точно. Меня — лично меня — это смущает. Скажите, нет ли у вас способа говорить о нашем императоре более... уважительно?

Тишина.

«О, — подумала Вера. — Какой хороший приём. Очень хороший. Этот не дурак, как Аммар.»

Аэдрис, на возвышении, чуть-чуть наклонил голову. Веран ждал её ответа. Семь Голосов ждали её ответа. Иссара из дальнего угла смотрела очень внимательно. Тэо у стены сжал сумку так, что белели костяшки.

Вера выпрямилась. Сложила руки за спиной — старый жест, чтобы не размахивать в зале.

— Лорд Веран, — сказала она. — Я постараюсь объяснить. В моей профессии есть два способа разговаривать о пациенте. Первый — уважительный с точки зрения этикета. Это звучит так: «Их благородный пациент изволили заболеть. Их благородная печень переживает трудный период. Их благородная чешуя огорчает нас.» Второй — уважительный с точки зрения медицины. Это звучит так: «У пациента желтушность склер. Лимфоузлы увеличены. Очаг локализован справа.» В первом способе много слов и мало смысла. Во втором — мало слов и много смысла. Я выбираю второй способ, потому что у нас тридцать дней, и я не могу терять время на красноречие. Если вам лично это кажется неуважительным — я приношу извинения. Но я подчёркиваю: это вам кажется. Императору, я полагаю, нужен не красивый словарь, а живая кожа. Вы согласны?

Веран медленно — очень медленно — улыбнулся. На этот раз улыбка была другая. Не зрительская. Жёсткая.

— Согласен, госпожа Вера, — сказал он мягко. — Полностью согласен. Простите, что отвлёк.

Аэдрис сказал, не глядя на Верана:

— Продолжайте, доктор.

Она продолжила.

Дальше шёл забор материала. Это было самое долгое.

— Я возьму, — объявила она громко, — четыре образца. Первое — слюна из ротовой полости. Это нужно, чтобы потом, когда у меня будет инструмент для увеличения, посмотреть, есть ли грибок в слюне. Если есть — болезнь дошла до слизистых, даже если глазом этого ещё не видно. Если нет — значит, мой ранний вывод верен. Второе — соскоб с края активной язвы на груди. Это для того, чтобы получить живую культуру грибка и идентифицировать его вид. Третье — соскоб с края старой язвы на запястье. Это для сравнения: одинаковый ли это грибок или болезнь разной природы в разных местах. Четвёртое — одна чешуйка, уже частично отошедшая от подложки. Это даст мне основание для лечения снаружи: я смогу попробовать на этой чешуйке местные мази и посмотреть, что работает, без риска для пациента.

— Простите, — сказал Аммар. Очень мягко. Это «простите» было самым опасным из всего, что он сегодня говорил. — Госпожа Вера. Вы сказали — «когда у меня будет инструмент для увеличения». У вас, насколько я понимаю, такого инструмента нет. Сейчас. То есть на нынешний момент вы ставите диагноз болезни без подтверждения. На основании одного только осмотра глазом. Я правильно понял?

— Правильно, — сказала Вера спокойно. — Сейчас — без подтверждения. Подтверждение будет через два дня, когда у меня будет инструмент. Сейчас я ставлю клинический предварительный диагноз — это, как и у вас принято в медицине, диагноз на основании совокупности видимых признаков. Окончательно я подтверждаю его, когда смогу посмотреть образцы под увеличением.

— То есть, — продолжил Аммар, — вы намерены начать лечение до того, как подтвердите диагноз.

— Я намерена начать поверхностное лечение — серную ванну и мазь. Это безопасно при любом диагнозе. Если у Его Величества окажется не грибок, а что-то другое — серная ванна не повредит. Это симптоматическое воздействие, не противомикробное. Системное лечение — то, которое реально опасно при неверном диагнозе, — я начну только после подтверждения. Через четыре или пять дней от сегодня.

Аммар коротко переглянулся с Третьим Голосом — тучным мужчиной, до сих пор молчавшим.

— Я считаю это легкомысленным.

— Запишите это в протокол, — сказала Вера.

Седьмой Голос поднял руку.

— Я разрешу себе возразить уважаемому Первому. Год назад я тоже не имел инструмента для увеличения. Я не имею его сейчас. Никто из нас не имеет. И, тем не менее, мы лечили Его Величество — настойками, песнопениями, ритуалами. Все эти лечения тоже были без подтверждения диагноза, — наоборот, без даже попытки поставить диагноз. Мы исходили из того, что это проклятие, потому что так казалось правильным. У лекаря Веры, в отличие от нас, есть последовательная гипотеза. Я не вижу, в чём её подход хуже нашего.

В рядах синих ряс снова прошло движение. Аммар повернулся к Седьмому всем телом.

— Седьмой Голос. Вы понимаете, что вы сейчас говорите?

— Понимаю, Первый, — сказал Голос Глубины тихо. — Я говорю это потому, что год лечил Его Величество и не вылечил. Я был там. Вас, простите, не было. Это разные позиции.

Аэдрис чуть-чуть наклонил голову — едва-едва, но Вера заметила. И поняла, что он сейчас расположен к Седьмому Голосу больше, чем когда-либо за этот час.

— Возражение принято, — сказал Аэдрис. — Но также принято к сведению. Лекарь Вера — продолжайте забор образцов. Седьмой Голос — спасибо.

Голос Глубины наклонил голову. Аммар сел.

Слюну Вера взяла через маленькую чистую льняную палочку, которую Аэдрис, по её просьбе, подержал во рту полминуты. Палочку она положила в первую плошку, плотно закрытую крышкой. Подписала. Соскоб с груди — она аккуратно подняла обратную сторону рукоятки маленького ножа и провела по краю свежей язвы. Чуть-чуть, без давления. Скребок мутно-белого вещества остался на лезвии. Она перенесла его в плошку с морской водой. Соскоб с запястья — точно так же. Чешуйку — пинцетом, аккуратно, ту самую, что позавчера уже наполовину отошла. В четвёртую плошку, сухую, без воды.

На всё это ушло минут пятнадцать. В зале было тихо. Только скрип пера и периодическое тихое шипение Аммара, который не мог удержаться комментировать каждое движение.

Когда Вера выпрямилась, у неё были собраны все четыре образца.

— Готово, — сказала она. — Теперь — план лечения.

Семь Голосов на скамьях ощутимо подались вперёд.

— Снаружи, на кожу. — Она показала на дальний конец стола, где Тэо, по её знаку, выложил банку с мазью и кувшинчик с серным порошком, заранее принесённые из кабинета. — Серная ванна сегодня вечером. Концентрация — одна часть порошка на двадцать частей воды. Это очень слабо. Я хочу проверить переносимость, прежде чем увеличивать дозу. Длительность — полчаса. После ванны — мазь на основе серы, рыбьего жира и пчелиного воска. Тонким слоем на активные язвы. Цель: остановить рост грибка на поверхности и ускорить заживление эпителия.

— Внутри, питьём. — Она показала маленький мешочек с серовато-зелёными листьями. — Отвар из этих листьев, два раза в день, по чашке. Эти листья, как мне сказал травник, содержат вещество, противодействующее гниению. На наш язык — антисептическое и проти-

вовоспалительное средство. Цель: общая поддержка, снижение системного воспаления, лёгкое антигрибковое действие.

— По всему телу, изнутри. — Она сделала паузу. Поняла, что сейчас будет крик. — Через четыре-пять дней — вытяжка из плесени.

Семь Голосов вскочили все сразу. Все семеро, кроме Седьмого. Как кукольный театр, у которого одновременно дёрнули за шесть нитей.

— Что? — почти прохрипел Аммар.

— Лекарство, изготовленное из контролируемо выращенной плесени, — сказала Вера. — Та же плесень, которую я собирала вчера в библиотечном подвале. Сейчас она у меня растёт на питательной среде. Через два дня я смогу проверить под увеличением, какие штаммы дают нужное вещество. Через четыре или пять — извлеку из выбранного штамма вытяжку, проверю её на тестовом образце, и если она работает против грибка — буду давать Его Величеству. Начну с очень малой дозы — одна капля, растворённая в чашке воды. Если будет переноситься — увеличивать. Это лекарство, которое в моём мире спасло за сто лет столько жизней, сколько живёт сейчас в Сар-Аммате.

— Это гниль, — сказал Аммар.

— Это антибиотик, — сказала Вера. — Я понимаю, что для вас это одно и то же слово. Для меня — два разных. Лекарство — это то, что лечит, неважно, как оно красиво называется. Через два дня у меня будет инструмент для увеличения. Через четыре-пять — лекарство. Если вы хотите быть в лаборатории и наблюдать за всеми этапами — пожалуйста. Я приглашаю вас, Седьмой Голос, лично — вы, кажется, единственный из семи, кто способен наблюдать без предвзятости. Если вы захотите — учиться, у меня есть кому показывать.

Седьмой Голос — Голос Глубины — впервые поднял на неё глаза прямо. И в этих глазах было то самое, что Вера уже видела вчера в глазах Тэо. Любопытство. Голод. Голод человека, который сорок лет занимается чем-то одним, и вдруг ему предлагают увидеть это иначе.

Голос Глубины ничего не сказал. Только наклонил голову — едва-едва, в сантиметре от прежнего положения. Но Вера это запомнила. Аммар запомнил тоже.

— Я буду требовать, — сказал Аммар сухо, — чтобы все эти этапы проходили под надзором Совета. Чтобы образцы, плесень и вытяжки осматривались и фиксировались. Чтобы перед тем, как Его Величество примет хоть каплю этого... лекарства... Совет вынес заключение.

— Согласна, — сказала Вера. — При одном условии.

— Каком?

— Заключение не должно превышать суток. Иначе мы потеряем время. Если Совет хочет участвовать в процессе — пусть участвует на тех же скоростях, на которых работаю я.

Аммар сжал челюсти.

— Принято, — сказал он.

Аэдрис, который весь последний час сидел молча, наконец заговорил.

— Хорошо. Тогда зафиксируем в протоколе следующее. Первое: лечение начинается сегодня вечером — ванна, мазь, отвар. Второе: через четыре-пять дней — введение вытяжки из плесени, после предварительного осмотра Седьмым Голосом. Третье: лекарь Вера имеет право свободного передвижения по дворцу, доступа к материалам, помощника и охраны. Четвёртое: Совет Семи Голосов имеет право наблюдения, право вопроса и право внесения протеста в протокол, но не имеет права остановить процедуру. Только я имею это право, и я делегирую его лекарю Вере в случае, если решение должно быть принято экстренно. Все согласны?

В зале было молчание. Никто не возражал. Только Аммар, после паузы, сказал:

— Прошу зафиксировать моё личное несогласие с пунктом два.

— Зафиксировано, — сказал писарь.

— Тогда мы закончили, — сказал Аэдрис. — Совет — благодарю за участие. Лекарь Вера — благодарю за работу. Иссара — задержись.

Семь Голосов поднялись и, цепочкой, в одинаковом ритме, вышли. Аммар — последним, и, проходя мимо Веры, чуть-чуть склонил голову. Это был тот самый поклон, что у Верана позавчера в тронном зале. Поклон ненависти. Вера ответила таким же — ровно той же глубины.

Лорд Веран встал свободно, потянулся, как зритель, посмотревший интересную пьесу.

— Госпожа Вера, — сказал он, проходя мимо. — Это было интересно. Я приду в следующий раз. Если вы не возражаете.

— Не возражаю, — сказала Вера спокойно.

— Прекрасно.

Он вышел. Старики-советники, шепчась, пошли следом. Писари собрали пергамент, поклонились и тоже вышли. Тэо у стены ослабил наконец хватку на сумке и выдохнул.

В зале остались Аэдрис, Иссара и Вера. И Тэо.

— Тэо, — сказала Вера. — Унесите образцы в кабинет. Поставьте на стол, накройте тряпками. Не разбейте. И попросите кухню готовить серную ванну к восьми вечера.

— Есть, — сказал Тэо. Поклонился. Вышел.

Аэдрис на возвышении пошевелился. Закинул ногу на ногу. Посмотрел на Веру.

— Вера, — сказал он. — Подойди.

Она подошла. Иссара тоже подошла — медленно, опираясь на трость. Они теперь стояли втроём у возвышения, в полуденном свете из окон.

— Ты, — сказал Аэдрис, — провела очень тяжёлый час.

— Я знаю.

— И сделала это хорошо.

— Спасибо.

— Не извиняйся за стиль.

— Я не извинялась.

— Веран пытался заставить тебя извиняться. Ты не извинилась. Это правильно. Не извиняйся за стиль никогда. Когда у тебя в руках чужая жизнь, у тебя не остаётся времени на извинения. Я знаю.

Вера на это не сразу нашлась, что сказать. Сказала:

— Сегодня вечером — ванна.

— Я знаю. Я буду.

— И ещё одно. Сейчас. Раз уж мы тут.

— Что?

— Я хочу посмотреть зону грудины. Целиком. Не только в области, где я брала соскоб. И я хочу посмотреть сердцевину. Глазами. Без прикосновения. Под честное слово Иссары, что это не считается нарушением правил.

Аэдрис посмотрел на Иссару. Иссара, очень медленно, посмотрела на него. Между ними прошёл какой-то взгляд, который Вера не считывала, но видела по интенсивности. Долгий. Иссара кивнула — едва-едва.

— Без прикосновения — не считается, — сказала старуха. — Это её право как лекаря.

Аэдрис, не вставая с кресла, расстегнул рубаху. Так же, как делал бы это в покоях. Только теперь Вера наклонилась и посмотрела очень внимательно — на всю переходную зону, на всю границу чешуи с кожей, на всю грудь.

И в центре — на той самой круглой зоне, прямо над сердцем, — она увидела узор.

Тонкие, тончайшие перламутровые линии, расходящиеся из одной точки, образующие что-то вроде завитка. Не язва. Не сыпь. Не воспаление. Это было нечто другое — гораздо красивее, гораздо тоньше, гораздо более сделанное, чем что-либо болезненное. Завиток. Как если бы кто-то изнутри его кожи рисовал тонким перламутровым карандашом.

— Что это? — тихо спросила Вера.

— Серцевина, — сказал Аэдрис. — То место, где у меня жемчужина.

Вера выпрямилась. Посмотрела на Иссару.

— Иссара. Подождите. Аммар сегодня сказал — «жемчужина сердца». Аэдрис подтвердил, что у каждого дракона внутри грудной клетки растёт жемчужина. Это, я правильно понимаю, физический объект? Не метафора?

— Физический, — сказала Иссара. Сказала ровно, как будто отвечала на вопрос про погоду.

— Где конкретно она находится?

— Здесь. — Иссара показала тростью на грудину Аэдриса, не касаясь. — Под костью. Между лёгкими, чуть правее сердца. У каждого дракона — своя.

— Какого размера?

— У молодых — с лесной орех. У взрослых — с большое перепелиное яйцо. У очень старых — с куриное.

— И она растёт всю жизнь?

— Растёт.

— То есть, — медленно сказала Вера, обращаясь больше к самой себе, — вы говорите, что у дракона в средостении лежит жемчужный конкремент размером с куриное яйцо.

— Не конкремент, — сказала Иссара мягко. — Конкремент — это слово, которое ты привезла из своего мира. У нас это не камень и не болезнь. Это часть тела. У вас, у людей, есть сердце. У нас, у драконов, есть сердце и жемчужина. Это две разные вещи. Жемчужина не давит на сердце. Жемчужина не мешает дышать. Жемчужина не болит. Она просто есть.

— А как вы это знаете? Кто-то когда-нибудь её видел?

— Конечно. После смерти каждого дракона жемчужину извлекают. У нас на каждом Доме хранится коллекция жемчужин предков. У Дома Аэдриса в храме лежат двадцать две жемчужины — от всех его предшественников.

Вера переварила это. Перевела дыхание.

— Хорошо. У него в груди жемчужина. Это физический объект, который влияет на физиологию или нет?

Иссара чуть-чуть улыбнулась.

— Влияет, дочь моря. Только не на ту физиологию, к которой ты привыкла.

— Подробнее, — сказала Вера.

И в этот момент она впервые увидела, как Иссара уходит от ответа. Старуха сделала маленькую паузу — на полтона дольше, чем нужно для естественного ответа, — и сказала:

— Подробнее, дочь моря, мы поговорим позже. Не здесь. Это длинный разговор, и я не уверена, что он сейчас уместен.

— Почему неуместен?

— Потому что у нас есть пациент, у которого через несколько часов серная ванна, и тебе ещё надо к ней подготовиться. Эта тема — не на бегу.

Вера посмотрела на Иссару очень внимательно. Иссара выдержала взгляд.

— Хорошо, — сказала Вера спокойно. — Тогда сегодня вечером, после ванны. Вы придёте ко мне в кабинет. И мы поговорим. Подробно.

— Приду, — сказала Иссара.

Аэдрис, всё это время сидевший с расстёгнутой рубахой, слегка наклонил голову.

— Жемчужина — это часть меня, — сказал он спокойно. — Я не возражаю, чтобы ты знала о ней больше. Только спрашивай меня тоже, не только Иссару. Я отвечу на то, на что могу ответить.

— Спрошу. Сегодня вечером, в купальне, у меня будет два часа сидеть и слушать. Если позволите — задам вопросов.

— Позволю.

— И ещё одно, Аэдрис. — Вера наклонилась снова, к самой груди. — Этот узор. Сердцевина. Он сейчас выглядит так, как раньше, или изменился?

Долгая пауза.

— Я не уверен, — сказал Аэдрис тихо. — Кажется, изменился. Кажется, раньше он был меньше и проще. Сейчас линии стали тоньше и сложнее. Но я давно не разглядывал свою грудь так внимательно — может быть, мне кажется.

Иссара рядом, опираясь на трость, смотрела на узор очень внимательно. И на её сухом лице сейчас впервые за все эти дни появилось выражение, которое Вера не считывала. Что-то между испугом и узнаванием.

— Иссара, — тихо сказала Вера. — Что-то не так?

Старуха не ответила сразу. Подумала. Слишком долго подумала.

— Это твоя профессиональная любознательность, — сказала она наконец. — Это похвально. Жемчужина у дракона — анатомическая особенность. Иногда узор меняется с возрастом. Не делай далеко идущих выводов.

Сказала она это ровным голосом. Но Вера, которая ставила диагнозы по голосу хозяев уже одиннадцать лет, очень отчётливо услышала: Иссара что-то знает. И не говорит.

— Иссара.

— Что?

— Я к этому вернусь.

— Я знаю, дочь моря. Поэтому и говорю — позже.

Вера на это кивнула. Запомнила. И — может быть, впервые с момента попадания в этот мир — почувствовала, что у неё в этом дворце есть теперь не одна, а две загадки: болезнь Аэдриса, и узор на его сердцевине, который изменился, и о котором Иссара что-то знает, но молчит.

— Хорошо, — сказала Вера ровно. — Я пойду готовить ванну.

— Иди, — сказал Аэдрис.

Она пошла к двери. У двери обернулась.

Аэдрис застёгивал рубаху. Иссара стояла рядом с возвышением и смотрела на него очень внимательно — как смотрит мать, узнавшая что-то важное о своём ребёнке и не знающая ещё, как ему об этом сказать.

Вера тихо вышла.

Глава 6. Первый разговор

К концу дня всё в её кабинете шло своим ходом. Тэо разложил четыре образца под тряпками с подписями. Плесень в плошках уже подсохла на поверхности, и Вера, осторожно проверив пальцем края, поняла, что колонии прижились — на трёх из семи плошек уже виднелся свежий рост. Это была хорошая новость.

«Хорошо, — подумала Вера. — Плесень растёт. Образцы взяты. Жемчужина для линзы будет через два дня. До серной ванны ещё четыре часа.»

Она вытерла руки. Посмотрела в окно. И где-то в глубине, под профессиональным удовлетворением и общей усталостью, у неё в груди — на левой стороне, под ключицей, ровно там, где лежал перламутровый диск-жетон, — было то странное тёплое ощущение, которое появилось вчера утром и не уходило.

«Статика», — сказала она себе.

«Что-то ещё», — отозвалось то место, где было ощущение.

Она велела себе об этом не думать.

К вечеру всё было готово.

Серная ванна — это был большой бронзовый чан в купальне Аэдриса, наполненный тёплой морской водой с растворённым серным порошком; Вера сама стояла, пока повар отмерял порошок, и сама проверяла, чтобы пропорция была правильной. Слабая. Очень слабая. Печень у Аэдриса и без того страдала, и Вера не собиралась добавлять ей нагрузки. Мазь — это была банка с густой беловатой массой, которую дворцовая мастерица сварила из серы, рыбьего жира и пчелиного воска (тут оказался местный аналог пчёл — мелкие летучие существа, делавшие что-то похожее на воск из цветочной пыльцы; Вера не стала вдаваться в подробности). Отвар — глиняная чашка с тёплым горьковатым настоем серых листьев и мёдом для смягчения вкуса.

Когда Вера пришла обратно в покои Аэдриса, было поздно — почти восемь вечера. Купальня располагалась в нижней части его башни, в отдельной комнате. Аэдрис уже ждал. Без рубашки, в тёмных штанах, с распущенными волосами.

Вера, впервые видя его без рубашки полностью, постаралась смотреть профессионально. Получилось не совсем.

Она профессионально отметила: чешуя занимает примерно сорок процентов поверхности торса (грудина, бока узкими полосами, спина широкой полосой); граница поражений идёт по всему периметру и, видимо, есть и сзади; мышечная масса хорошая, плотная, рабочая; рёбра не проступают; брюшная стенка крепкая, с чёткими линиями пресса; кожа на руках и плечах чуть бледнее обычного, с лёгкой желтизной — но и только.

Никакой истощённости. Никакого отёка. Никакого видимого ослабления тела, которого обычно ожидаешь увидеть у человека после года хронической инфекции.

Это, как минимум, означало одну вещь, которую Вера сразу занесла в мысленный протокол: драконы держат тело иначе. У них болезнь съедает что-то другое, не мышцы. У человека за такой период мышцы ушли бы первыми. У Аэдриса — нет. Что-то в драконьем метаболизме защищало мышечную массу. Возможно, та самая жемчужина, про которую Иссара отказывается рассказывать.

И — между всеми этими профессиональными отметками — она невольно отметила ещё одно: он был очень хорош собой. По-человечески, без всякой драконьей экзотики. Высокий, килограммов восемьдесят пять веса при росте за метр девяносто, узкий в талии, широкий в плечах, с длинной шеей. Серебристые волосы по плечам. Чешуя его не безобразила, наоборот — делала странно красивым, как красив рисунок на старом мраморе.

Когда он повернулся к чану, чтобы войти, мышцы спины двинулись под кожей долгим текучим движением, как у пловца, и Вера на секунду забыла, что собиралась смотреть. Когда

он встал лицом к ней, дожидаясь её следующей команды, пресс на животе у него подобрался — едва заметно, на короткое мгновение, — как подбирается у мужчины, когда он знает, что на него смотрят, и не уверен, нравится ли ему это.

«Так, — сказала Вера себе. — Стоп. Это пациент. Восемьдесят пять килограммов веса, желтизна склер, тахипноэ, гепатотропный синдром. Сосредоточься.»

Она сосредоточилась. С трудом.

— Заходите в воду, — сказала она. — Медленно. Пойдите минуту, привыкните к температуре. Потом ложитесь так, чтобы вода доходила до подбородка. Если будет жжение в зоне язва — скажите, я уменьшу концентрацию.

Аэдрис кивнул. Снял штаны — она вовремя отвернулась, изобразив необходимость поправить мазь на столе. Услышала тихий плеск.

— Жжение? — спросила она, не оборачиваясь.

— Лёгкое. Терпимое.

— Хорошо. Полчаса. Я сижу здесь, в углу. Если что — зовите.

Она села в угол на низкий табурет, спиной к нему. На коленях — глиняный сосуд с чешуйкой, обмотанный тряпкой. В руках — пергамент и тонкий уголёк. Она начала записывать ход процедуры: время, концентрация, реакция, длительность. Старая привычка с клиники — фиксировать всё. На случай, если завтра ей потребуется доказывать, что она сделала, и что было дальше.

Через десять минут Аэдрис сказал:

— Вера.

— Да.

— Можно вопрос?

— Можно.

— У тебя там кто остался? Дома?

Она оторвалась от пергамента. Подумала.

— Кошка, — сказала она. — Зовут Сёма. Чёрная, с белым пятном на груди. Соседка её должна была накормить, пока я в Находке, но я там два дня всего собиралась пробыть.

— Семья?

— Родители есть. Брат. Не близкие. Видимся раз в год.

— Муж?

Она помолчала.

— Не муж. Был молодой человек, расстались полтора года назад. С тех пор — никого. У меня график плохой. Не очень совместимый с отношениями.

Аэдрис помолчал.

— А ты сама с собой совместима? — спросил он.

Вера моргнула. Это был странный вопрос. Из тех, которые ей за её жизнь задавали два или три раза, и все три раза — люди, которые видели её насквозь.

— Не уверена, — сказала она. — Кажется, не очень.

— Это видно.

— По чему?

— По тому, как ты держишь плечи. У тебя они не опущены ни на минуту. Так не держат плечи рядом с кем-то. Так держат плечи, когда нет привычки, что есть кто-то, кто может донести, если ты вдруг что-то опустишь. Ты несёшь всё сама. Это в плечах.

Она невольно дёрнула плечами — и тут же поняла, что дёрнула не «отпуская», а наоборот, ещё сильнее напрягая. Услышала, как он тихо рассмеялся в воду.

— Видишь, — сказал он. — Только что ты могла отпустить. Не отпустила. Сделала наоборот. Это и есть симптом.

— Аэдрис.

— Да.

— Вы поразительно невежливы для умирающего императора.

— Я знаю. Привилегия.

Она против воли тоже улыбнулась.

— А у вас? — спросила она. — У вас тут — что? Кошка? Не кошка. Семья?

— Семьи нет.

— Совсем?

— Совсем. Был дядя, умер двести лет назад. Был младший брат, умер в детстве, ему было восемьдесят. Двоюродные где-то есть, в Доме Серебряного Течения, но я с ними не общаюсь. Жены не было.

— Никогда?

— Никогда.

— Почему?

Тишина. Только плеск воды. Вера ждала.

— Драконы поздно выбирают пару, — сказал он наконец. — Очень поздно. Иногда — никогда. Это не как у людей, у нас по-другому работает. Я в принципе мог бы прожить ещё пятьсот лет, никого не выбрав, и это было бы нормально. Большинство моих императоров-предшественников нашли своих женщин после первой сотни лет. Один — в шестьсот пятьдесят. Это не считалось странным.

— И вам не одиноко?

Он опять помолчал. Потом сказал:

— Одиноко, Вера. Очень. Просто я давно перестал обращать на это внимание.

Она ничего не ответила. На пергаменте у неё на коленях остались два пятна — там, где уголёк раздавил волокно. Вода в купальне тихо плескалась. За окном где-то далеко кричала ночная птица.

— Аэдрис.

— Да.

— Раз уж разговор уже неуместный — можно ещё несколько вопросов?

— Конечно.

— Про жемчужину.

— Спрашивай.

— Иссара сказала, что у драконов жемчужина растёт всю жизнь. И что она «влияет на физиологию, но не на ту, к которой я привыкла». Что это значит?

Долгая пауза.

— Это значит, — медленно сказал Аэдрис, — что жемчужина — это не пищеварение, не сердцебиение, не зрение, не слух. На эти процессы у нас, как и у вас, отвечают другие органы. Жемчужина отвечает за то, что у вас, у людей, отвечает... ничего. У вас нет такого органа. У вас это распределено между сердцем, разумом и тем, что вы называете душой. У нас это собрано в одной точке.

— И что эта точка делает?

— Сны.

— Сны?

— Драконы во сне сливаются с жемчужиной. Когда мы спим, наш разум как бы спускается внутрь, в неё. Поэтому мы не видим снов. Сны — это разговор с самим собой, со своей... как бы это сказать... с собственной глубиной. У нас этого разговора нет, потому что мы во сне сами становимся глубиной. Это сложно объяснить. Я плохо это объясняю.

— Объясняешь нормально, — сказала Вера. Она впервые сегодня сказала ему «ты», и сама заметила это с опозданием в полминуты. Поправлять уже было поздно. — То есть жемчужина у вас — это как... центр сознания во сне?

— Что-то вроде.

— А ещё?

Долгая пауза.

— Ещё она хранит память, — сказал он. — Не всю — основную память хранит мозг. Но глубокую. Память о предках, о доме, о связях. То, что нельзя выразить словами, но без чего ты не ты. Когда дракон умирает, его жемчужину извлекают, и она хранится в храме его Дома. Считается, что в ней остаётся часть его сущности. Молодые драконы перед важными решениями ходят в храм и сидят рядом с жемчужинами предков. Это называется «слушать камень». Слышишь не ушами, а как-то иначе. Не знаю, как объяснить.

— И ты это делал?

— Делал. Лет двести назад. С тех пор перестал.

— Почему?

— Потому что мои предки молчат, — сказал Аэдрис ровно. — Я слушал их сто часов в общей сложности. Никто из двадцати двух ничего мне не сказал. Это или потому, что я плохо слышу, или потому, что они мне не одобряют. Я склонялся ко второму варианту и перестал их беспокоить.

Вера молчала минуту. Потом сказала:

— Извини.

— За что?

— За то, что спросила. Это было больно.

— Нет. Это было правильно. — Голос у него был тихий. — Меня об этом никто никогда не спрашивал. Двадцать третий император Семи Течений, и двадцать два моих предка молчат со мной, и об этом никто никогда у меня не спросил. Спасибо.

Она опять помолчала. Потом сказала:

— А ещё. Можно ещё один вопрос.

— Можно.

— Когда я позавчера утром положила палец вам на ключицу — вы что-то почувствовали? Долгая, долгая пауза.

— Да, — сказал он. — Почувствовал.

— Что?

— Я не знаю, что. Что-то. Что-то, чего раньше не было.

— Я тоже, — сказала Вера. — Тёплый разряд. Прошёл от пальца через руку. Осел где-то под ложечкой.

— Да. — Голос у него был тихий. — То же самое.

— Что это?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Возможно, Иссара. Но я с ней об этом ещё не говорил.

— Может, поговорите?

— Поговорю. Когда буду готов.

— Хорошо.

Они помолчали. Вода продолжала плескаться. Прошло, наверное, минут пять.

— Вера, — сказал Аэдрис.

— Да.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты спросила. Не сделала вид, что не было.

— Я ветеринар. Я не делаю вид, что симптом не существует, если я его вижу.

— Хороший подход.

— Профессиональный.

Прошло ещё пять минут. Аэдрис вылез из купальни. Вера, не оборачиваясь, протянула ему большое полотенце. Услышала, как он растирается. Услышала, как одевается.

— Можно поворачиваться? — спросила она.

— Можно.

Она повернулась. Он стоял в свободной белой рубаше, в тёмных штанах, с мокрыми волосами. Лицо у него было — она впервые это увидела — чуть более живое, чем утром. Слегка порозовевшее от тепла. Вертикальные зрачки в полумраке светильников расширились, как у обычной кошки в темноте.

— Жжение? — спросила Вера профессиональным тоном.

— Сейчас лёгкое покалывание. По всей зоне язв.

— Это нормально. Сера активирует клеточное обновление. К утру язвы должны стать суше. Я завтра проверю.

— Хорошо.

— И ещё. — Она показала на банку с мазью. — Перед сном — нанести на самые активные язвы. Тонким слоем. Если жжёт — стирать и не повторять. Если терпимо — оставить на ночь.

— Я нанесу.

— И отвар. — Она показала на чашку.

Он взял чашку. Выпил, не морщась.

Глава 7. Покушение

В коридоре, у нижней лестницы башни, её ждал стражник.

Это было неожиданно. Обычно её провожали до выхода и оставляли — дальше она шла по коридорам сама, с перламутровым диском под ключицей. Сейчас стражник стоял прямо у нижней двери, и в его позе было что-то напряжённое.

— Госпожа Вера, — сказал он. — Госпожа Иссара просила, чтобы я вас сопровождал до ваших покоев.

— Что-то случилось?

— Возможно. Идёмте, пожалуйста.

Она пошла за ним. Чашка, инструменты и сосуд с чешуйкой — в маленькой кожаной сумке через плечо. Коридоры в этот час были пустые. Тихие. Шум водопада снаружи. Звук собственных шагов.

Они шли минут десять. Уже когда сворачивали в коридор, ведущий к Восточным Покоям, стражник вдруг остановился.

— Что такое? — спросила Вера.

Он не ответил. Поднял руку. Стоял, прислушиваясь.

И тогда Вера тоже услышала.

Не звук. Отсутствие звука. В коридоре до этого где-то очень тихо журчал маленький встроенный в стену фонтанчик — Вера это слышала каждый раз, когда здесь проходила. Сейчас он не журчал. И ещё — там, впереди, где была её дверь, обычно стояли двое стражников, в тёмно-синем. Они должны были, как всегда, стоять. Их шаги, кашель, дыхание — что-то — должно было слышаться.

Не слышалось ничего.

— Назад, — тихо сказал стражник. — Госпожа, идите назад. Я проверю.

Он не успел.

Из-за угла бесшумно вышел мужчина. Не дракон — обычный человек. Невысокий, плотный, в тёмной одежде. В руке — короткий узкий клинок, очень похожий на хирургический скальпель, только длиннее. На лице — тряпичная маска, оставлявшая открытыми только глаза.

Глаза у него были спокойные. Это, как потом восстанавливала Вера, было самое неприятное — спокойные глаза.

Стражник сделал шаг вперёд, заслоняя её. Что-то крикнул — Вера не разобрала, потому что в этот момент мужчина в маске просто рванулся — быстро, по-кошачьи, без замаха, — и стражник упал. Тихо. Беззвучно. Только что-то горячее брызнуло на стену.

Вера развернулась и побежала.

Она бежала не назад — назад был коридор, по которому она пришла, длинный, прямой, ловушка. Она бежала вбок — в перпендикулярный коридор, в темноту, потому что в темноте у неё был шанс, а на свету не было. Сумка била по бедру. Кожаная подошва сапог стучала по камню. Сзади — она слышала — ничего не стучало. Он бежал бесшумно.

Она свернула направо. Налево. Снова направо. Дворец был большой и запутанный, и она знала только основные коридоры, но сейчас это было даже к лучшему: если она путается, путается и он. Где-то справа открылась арка во внутренний сад. Вера нырнула туда. Сад — маленький, с фонтаном в центре и какой-то беседкой. Ночь. Кусты. Запах цветов.

Она присела за беседкой. Затаила дыхание. Сердце колотило так, что было слышно за пять метров.

Шагов не было.

Минуто не было. Две.

Вера выдохнула. Слишком рано выдохнула.

Тихий, мягкий звук — кто-то перепрыгнул через куст. Совсем близко. Вера повернулась — и увидела глаза. Те самые, спокойные.

Клинок поднялся.

И тогда сверху, с крыши беседки, что-то прыгнуло.

Это было быстро. Очень быстро. Вера толком ничего не разобрала, увидела только тёмный силуэт — короткий, лёгкий, в чём-то облегающем — и услышала очень короткий, очень неприятный звук. Звук, какой получается, когда что-то острое входит в горло человека, и человек больше не дышит.

Мужчина в маске тихо осел на землю.

Над ним выпрямилась невысокая женщина.

Вера успела заметить: невысокая, ладная, в чёрной обтягивающей одежде, без оружия в руках — то, что у мужчины торчало из горла, было её, видимо, рукой; впрочем, нет, на пальцах у неё блестели какие-то длинные тонкие штуки, похожие на металлические когти. Тёмная кожа, тёмные волосы, заплетённые в десятки тонких косичек. Возраст — Вере на глаз тридцать. Лицо — резкое, скуластое, с большими тёмными глазами. И этими глазами она сейчас смотрела на Веру.

— Стой, — сказала женщина на торговом наречии. Голос у неё был низкий и хрипловатый. — Не ори. Не беги. Если ты заорёшь и побежишь — я тебя поймаю, и нам обоим будет неудобно.

Вера, как ни странно, не заорала и не побежала. Она просто сидела на корточках за беседкой и смотрела.

— Меня прислали тебя убить, — сказала женщина. — Этот мудака, который только что хрипел, — её ботинок коротко двинул лежавшее тело, — мой второй. Они нас вдвоём послали. Я в последнюю минуту передумала. Понимаешь?

Вера кивнула.

— Хорошо. Меня зовут Налани. По прозвищу — Шквал. Я капитан корабля «Морская Ведьма». Сейчас мы с тобой быстро встанем, ты возьмёшь меня под руку, как подругу, и мы пойдём к ближайшему стражнику Лазурного Двора. Ты ему скажешь, что я тебя спасла. Я скажу, что хочу видеть Иссару. Иссара — это твой человек?

— Мой, — сказала Вера, сама не понимая, как это слово к ней пришло.

— Хорошо. Тогда вставай. И, девушка, — она вдруг улыбнулась, и улыбка у неё была белая, дерзкая, очень красивая, — я не знаю, кто ты, но ты мне уже нравишься. Ты не орёшь. У меня за пятнадцать лет ремесла из жертв не орали трое. Ты четвёртая.

Вера встала. Колени дрожали.

Глава 8. Жемчужина

Иссара не спала.

Вера это поняла, едва они с Налани зашли в её покои, — Айри пропустила их без вопросов, и они прошли через короткий коридор в маленькую гостиную, где у горящего очага в низком кресле, прямая как стрела, сидела Иссара. На ней было то же серое платье, что и днём на трибунале. В руках — глиняная чашка с тёмным дымящимся напитком. Перед креслом — узкий низкий столик, на столике — ещё две чашки, заранее приготовленные. Иссара ждала их.

— Садитесь, — сказала она, не поворачивая головы. — Обе.

Налани усмехнулась. Сняла со своей шеи маленький кожаный мешочек на тонком шнурке, бросила его на столик.

— Это с тела убитого, — сказала она. — Содержимое — твоё.

Иссара только теперь повернула голову. Налани она знала, Вера это сразу увидела по тому, как старуха её посмотрела: без удивления, с лёгким раздражением и с глубоко спрятанной симпатией.

— Шквал, — сказала Иссара. — В мои годы — врываться к мне в гости среди ночи, с трупом на совести и с подружкой моего императора под мышкой, — это уже совсем дурной вкус. Ты обещала.

— Я обещала не приходить, — поправила Налани. — Я не обещала не приходить ради дела.

— Это казуистика.

— Это профессия.

Они посмотрели друг на друга. Прошло секунды три. Потом Иссара чуть-чуть наклонила голову.

— Садитесь, — повторила она. — Обе. Чай.

Вера села. Налани, после короткого колебания, тоже села — на низкую скамейку напротив старухи, с прямой спиной, как сидят люди, привычные к тому, что любая поза может в следующую секунду превратиться в боевую стойку. Вера взяла свою чашку. Чай был горячий, тёмный, с пряным запахом. Она не понимала, что это, и не стала спрашивать.

— Рассказывай, — сказала Иссара. — Сначала ты, дочь моря. Что произошло?

Вера рассказала. Коротко, по делу: возвращение из купальни, стражник, отсутствие звука в коридоре, нападение, погоня, сад, Налани. На «Налани» она остановилась, дала рассказывать ей. Налани кивнула.

— Меня и моего напарника наняли вечером третьего дня — то есть позавчера, — сказала она, не глядя ни на Веру, ни на Иссару, а куда-то в очаг. — Заказ простой: убить чужестранку, которая лечит Императора. Желательно так, чтобы это выглядело как случайный разбой — вроде, перепутали с богатой паломницей. Платили вперёд. Половина — на месте, половина — после.

— Кто платил? — спросила Иссара.

— Посредник. Никаких имён. Толстый старик, видный, с золотыми кольцами. Я его раньше встречала по другим делам. Он работает на полтора десятка домов — официально торговец специями, неофициально пересылает заказы тем, кому надо. Имени он мне сегодня не назовёт даже под клинком. Я пробовала.

— Когда пробовала?

— Перед тем, как идти сюда. — Налани впервые улыбнулась — той же дерзкой, белой улыбкой. — Я не люблю, когда меня пытаются использовать в обе стороны. Если бы я выполнила заказ, нас, скорее всего, тоже вырезали бы — заматали следы. Это типовая схема. Когда я поняла, что собираюсь предать заказ, я зашла к посреднику и предложила ему за двойную

плату назвать мне имя. Он отказался. Я предложила за тройную. Он отказался. Тогда я предложила ему за свою жизнь.

— И?

— И он отказался.

— То есть, — медленно сказала Вера, — он скорее умрёт, чем назовёт имя?

— Он скорее умрёт, чем назовёт имя, — подтвердила Налани. — Это значит одно из двух. Либо он сам в доле в гораздо большую сумму, чем мы можем ему предложить. Либо его семья в заложниках. У него есть две дочери и внук. Я думаю, второе.

— Имя ты не получила. Что получила?

— Получила вот это. — Налани кивнула на мешочек, лежавший на столике. — Со второго.

Иссара взяла мешочек. Аккуратно развязала. На стол высыпались несколько мелких предметов: пара монет, тонкий металлический прут с резьбой (Вера не поняла, что это), сухой травяной комок размером с горошину, обёрнутый в бересту, и одна маленькая серебряная брошь.

Иссара взяла брошь. Подняла к свету.

— Так, — сказала она. И долго на неё смотрела.

— Что? — спросила Вера.

— Это, — медленно сказала старуха, — брошь Дома Чёрного Течения. С младшего порядка — то есть с низшего уровня служащих, не дворян. Но именно Дома Чёрного Течения. Лорд Веран мог нанять кого угодно — наёмного посредника, наёмных убийц, наёмные руки, которые он никогда в глаза не видел. Но один из убийц всё-таки оказался из его людей. Это либо безалаберность с его стороны, либо ошибка непосредственного исполнителя — нацепил брошь по привычке, забыл снять.

— Это связывает Верана с заказом, — сказала Вера.

— Это указывает на связь, — поправила Иссара. — В трибунале такая брошь — слабое доказательство. Веран легко скажет, что брошь украдена, или что убийца — бывший слуга, уволенный за проступок, или что у него четыреста человек в Доме и за каждого он отвечать не обязан. Это не позволит нам обвинить его официально. Но это позволит нам точно знать, кто это сделал.

— И что мы будем с этим делать?

— Думать.

Иссара положила брошь обратно. Посмотрела на травяной комок. Аккуратно развернула бересту. Внутри был сухой коричневатый порошок. Иссара поднесла его к носу. Долго нюхала. На лице у неё ничего не дрогнуло, но Вера почему-то поняла — она узнала.

— Что это? — спросила Вера.

— Это, — спокойно сказала Иссара, — то, что они собирались тебе подсыпать в питьё, если у них не получилось бы убить тебя клинком. Это запретный порошок — мы его называем «тихая дорога». Он не убивает. Он усыпляет на четверо суток так, что человек выглядит мёртвым. За это время тебя можно было бы вывезти из дворца, отвезти куда угодно и сделать с тобой что угодно. Или закопать. Или продать как невольницу. Это специфический инструмент, который изготавливают всего в одном месте на всём Архипелаге. Это место — на южных островах. Точнее — в одной маленькой бухте Дома Чёрного Течения.

Вера посмотрела на Иссару. Налани посмотрела на Иссару.

— Это, — сказала Налани, — уже не «слабое доказательство». Это уже серьёзно.

— Это всё равно недостаточно для трибунала, — спокойно сказала Иссара. — Дом Чёрного Течения скажет, что порошок украден. Или что его получил какой-нибудь негодный родственник. Или что мы сами его подбросили. Но это уже не «указывает», а показывает. Я не

люблю слов «случайность», когда у одного происшествия — брошь Дома и его же запрещённый порошок. Это два независимых признака. Два — это не случайность. Это план.

— Иссара. — Вера наклонилась вперёд. — Что мы делаем?

Иссара поставила свою чашку. Посмотрела на Веру долго.

— Сначала, — сказала она, — я скажу Его Величеству. Это его право — знать. Потом мы решим вместе. Сегодня ночью — ничего. Сегодня ночью тебе нужно спать, и спать в безопасном месте.

— Где?

— Здесь. У меня. У меня покои на трёх стражах в любое время суток, и в них никто не войдёт без моего разрешения. У меня есть свободная спальня. Кровать в ней застелена. Айри постелила тебе ещё днём — я заранее знала, что ночью ты будешь здесь.

Вера моргнула.

— Откуда вы знали?

— Я не знала точно. Я предполагала. — Иссара чуть улыбнулась. — Я живу при Лазурном Дворе шестьдесят лет, дочь моря. После трибунала, на котором ты выставила Верана дураком, я бы удивилась, если бы он не прислал к тебе кого-то этой же ночью. Я знала, что что-то будет. Я не знала только, насколько серьёзное и насколько быстрое.

— А Налани?

— Налани, — Иссара впервые повернулась к гостье, и в её голосе на секунду прозвучало что-то очень странное, не для Веры предназначенное, — Налани вне расчётов. Налани никогда не входит в мои расчёты. Налани всегда возникает откуда не ждали и делает то, чего нельзя было предсказать. Это её специальность, по этой причине я к ней и привыкла за двадцать лет.

— Спасибо, — сказала Налани спокойно.

— Это не комплимент. — Иссара посмотрела на неё. — Это констатация.

— Я знаю. Это всё равно лучшее, что ты сказала обо мне за двадцать лет.

Иссара чуть-чуть подняла бровь. Потом отвернулась к огню.

— Вера, — сказала она. — Сейчас ты допьёшь чай, и Айри отведёт тебя в спальню. Завтра в полдень — у меня в кабинете. Я хочу с тобой говорить долго и подробно. Налани — останется здесь со мной до утра, нам с ней есть о чём поговорить, и тебе слушать пока рано. Согласна?

— Согласна, — сказала Вера. И поняла, что страшно устала.

Она допила чай. Иссара кивнула, и из соседней комнаты появилась Айри — Вера не заметила, как она там оказалась. Айри отвела её через два коридора в маленькую тёплую комнату с одной кроватью, узким окном и керамической чашей с водой для умывания.

— Спите, госпожа, — сказала Айри. — Никто к вам сюда не войдёт.

— Спасибо.

Айри хотела уже уйти. На пороге остановилась.

— Госпожа.

— Да.

— Простите, что спрашиваю. Вы сегодня испугались?

Вера задумалась. Подумала, как ответить честно.

— Сначала — да, — сказала она. — Когда бежала. Сейчас — нет. Сейчас злюсь.

Айри посмотрела на неё долго. Потом коротко поклонилась.

— Вы хорошая девочка, — сказала она. — Спокойной ночи.

И ушла.

Вера села на кровать. Сняла сапоги. Под рубашкой её левая ключица была горячая — то самое тёплое место, появившееся два дня назад, никуда не делось. Она положила на него ладонь. Перламутровый диск под ладонью был тёплый. Вера смотрела в маленькое окно, за которым горели три неизвестные ей звезды, и думала о том, что за три дня в чужом мире она поставила диагноз дракону, нашла себе друга, побывала на трибунале, чуть не была убита,

получила в спасители наёмницу и оказалась под защитой старухи, которая, кажется, видит всё на десять шагов вперёд.

«Хорошее начало карьеры в этом мире», — подумала она. И впервые с момента попадания позволила себе короткий, тихий, очень собственный смешок — единственный за все три дня. После смешка стало легче. Она легла, закрыла глаза.

И тут же провалилась в сон.

В отличие от Веры, Налани не спала.

Налани вообще плохо спала на суше. На корабле — мгновенно, как только касалась головой подушки, и до восхода, не двигаясь. На суше — лежала и слушала. Это была старая привычка, выработанная за пятнадцать лет: морская тишина и сухопутная тишина — разные тишины, и сухопутной она не доверяла.

Сейчас она сидела напротив Иссары в той же гостиной. Очаг догорал. Чашки были пустые. На столе перед ними лежали брошь, монеты, металлический прут с резьбой, развёрнутая береста с порошком.

— Шквал, — сказала Иссара. — Зачем ты передумала на заказе?

Налани не сразу ответила.

— Это длинный разговор.

— У меня есть ночь.

Налани смотрела в огонь. Огонь ей нравился — он был самой сухопутной вещью, которую она терпела на суше. На воде огня было мало, и поэтому здесь, у Иссары, она всегда странно отдыхала.

— Я тебе скажу честно, — сказала она. — Я в первый раз согласилась на этот заказ потому, что мне нужны были деньги. Морской сезон в этом году плохой, контрабанда жемчуга упала на треть, мои люди сидят впроголодь. Тысяча золотых — это две зимы для двадцати человек экипажа. Я взяла. Без раздумий.

— И?

— И я думала, что объект будет какая-нибудь придворная сучка. Лет двадцати трёх, в шелках, со свитой, с дюжиной паланкинов. Я к таким привыкла. У меня к ним нет жалости — они никогда никого не пожалели, и им не за что.

— А оказалась — Вера.

— Оказалась Вера. — Налани коротко выдохнула. — Я несколько дней следила за ней. Думала — выберу момент, ударю с верхней галереи, прыгну, уйду через сад. Старая схема. А она... Иссара. Она тащит за собой бедного парня в драной рубахе. Она кричит на жрецов так, как кричит у нас на матросов младший боцман. Она не носит ни одного украшения, кроме того перламутрового диска, который ей сегодня выдала Айри, и то носит так, будто ей всё равно. Я смотрела за ней — и поняла, что мне противно. Я могу убить придворную сучку. Я не могу убить женщину, которая пыжится в чужом мире, чтобы спасти больного.

— Поэтому ты передумала.

— Поэтому.

Иссара помолчала.

— Шквал. Ты понимаешь, что Веран теперь будет искать тебя?

— Понимаю.

— Это значит — ты не сможешь вернуться к своей команде. Дом Чёрного Течения большой. У них руки во всех портах. Если ты пойдёшь к «Морской Ведьме», тебя возьмут раньше, чем ты успеешь подняться на палубу.

— Знаю.

— Тогда что ты будешь делать?

Налани повернула голову. Посмотрела на Иссару.

— Иссара, — сказала она. — Двадцать лет ты дёргаешь меня за ниточки. Двадцать лет ты говоришь мне, что я твоя дочь не по крови. Ты появилась в моей жизни, когда мне было десять, и моя мать только что умерла. Двадцать лет ты обо мне знала всё и помогала тогда, когда я об этом и не подозревала. Сегодня я в первый раз пришла к тебе сама. Без приглашения. Не за деньгами, не за советом, не за тем, чтобы передать товар. Я пришла, потому что мне больше некуда. Так что я буду делать то, что скажешь ты.

Иссара посмотрела на огонь. Очень долго. И в её сухом лице сейчас впервые за всё то время, что Вера её знала бы — будь Вера здесь, — было живое, тёплое, очень открытое выражение.

— Хорошо, — сказала старуха тихо. — Ты будешь делать вот что. Завтра утром ты с Айри уйдёшь из дворца. Айри отведёт тебя в дом, который у меня есть в трёх улицах от порта. В этом доме ты будешь жить, никому не показываясь. В этом доме ты будешь моими руками снаружи. Я не могу сама бегать по городу, я старая. Ты — будешь. Ты будешь искать всё, что я попрошу. Связи Дома Чёрного Течения в порту. Имена. Адреса. Кто куда плавал. Кто кому что вёз. Это станет наша вторая линия защиты — пока во дворце мы прикрываем Веру и Аэдриса, на улицах мы будем разматывать клубок Верана. Согласна?

Налани кивнула. Не сразу, но кивнула.

— А моя команда?

— Твоя команда останется в порту. Я отправлю им весточку — что ты в безопасности, что денег они получают, что ты вернёшься через какое-то время. Имени не назову. Они привыкнут. У капитанов «Морской Ведьмы» уже бывали отлучки по моим делам; твои люди подумают, что это очередная.

— А «Морская Ведьма»?

— «Морская Ведьма» подождёт. Корабль — это корабль. Он будет на воде, когда мы вернёмся.

— Хорошо. — Налани помолчала. Потом сказала тише: — Иссара. Можно вопрос.

— Можно.

— Эта девочка. Вера. Почему ты её взяла под себя?

Иссара отвернулась к огню.

— Шквал, — сказала она. — Ты помнишь, я тебе когда-то рассказывала про мою старшую сестру?

— Помню.

— Я тебе говорила, что моя старшая сестра умерла в восемнадцать лет, не выйдя замуж, никого не любя, потому что у неё в груди никто не вырастил жемчужину.

Налани медленно повернула голову. Очень внимательно посмотрела на Иссару.

— Иссара. Ты говорила, что твоя сестра — человек. Ты говорила, что вы росли в одной деревне у моря, и что она умерла от лихорадки.

— Я говорила тебе полуправду, — сказала Иссара спокойно. — Полуправда — это не ложь, это просто половина. Сегодня, может быть, я расскажу тебе вторую половину. Но не сейчас. Сейчас я просто отвечу на твой вопрос. Я взяла Веру под себя, потому что у Аэдриса начала делиться его жемчужина. И это разделение — впервые за двести лет у императоров. Если оно завершится, это означает, что Аэдрис нашёл свою пару. А его пара — Вера. И это значит, что моя старшая сестра — которая четыреста лет назад тоже была чужестранкой, как Вера, и тоже была отмечена драконом, и тоже не успела, потому что её дракона отравили точно так же, как сейчас отравляют Аэдриса, — что моя старшая сестра... ждала, что когда-нибудь это случится снова, и чтобы кто-то рядом увидел и не позволил это сорвать.

Налани сидела не шевелясь.

— Это, — сказала она наконец, — это очень много новой информации, Иссара.

— Я знаю.

— Твоя сестра.

— Моя сестра. Точнее — моя сводная сестра, ты можешь её называть как угодно. Мы были связаны клятвами Дома. Это длинная история, и она не для сегодня. Сегодня тебе нужно знать только одно: Веру пытались убить не потому, что она лекарь. И не потому, что она дерзкая. А потому, что она угрожает закончить то, что в прошлый раз сорвали. Веран знает, что у Аэдриса делится жемчужина. Веран не дурак, он умеет читать признаки. Когда Веран видел сегодня на трибунале, как Вера наклоняется к императору без страха и говорит с ним без поклона, — Веран понял, что это. И начал действовать.

— Тогда речь не о власти.

— Речь и о власти тоже. Но в первую очередь — о связи. Если Аэдрис завершит выбор, у Лазурного Двора появится императрица, у которой не будет ни клана, ни предков, ни родства с Семейю Домами. Это первая императрица за всю историю, которая будет только Аэдриса и больше ничья. Дом Чёрного Течения уже двести лет точил зубы на трон — у них есть родственная линия, в случае смерти бездетного Аэдриса они претендуют первыми. Появление императрицы их шансы уничтожает на корню. Они должны её убрать до того, как она станет неубиваемой.

— А когда она станет неубиваемой?

— После Связи. Когда жемчужина Аэдриса окончательно поделится, и малая жемчужина перейдёт к Вере. После этого вырезать у неё метку нельзя — она будет защищена жемчужиной изнутри. А до Связи — можно.

Налани долго молчала.

— Иссара, — сказала она. — Вера это знает?

— Не знает. И не должна знать сейчас.

— Почему?

— Потому что Аэдрис её не торопит. Точнее — он сам пока не знает, что именно с ним происходит. Узор на сердцеvine он сам заметил — Вера, ты слышала, как он это сегодня сказал, — но он не понимает, что это деление. Драконы видят такой узор раз в жизни, и до сих пор я ещё ни разу не видела, чтобы у живого дракона он проявился так открыто. У Аэдриса нет опыта. У него нет с кем посоветоваться, кроме меня. И я ему ещё не сказала.

— Почему?

— Потому что хотела сказать сначала ей. Завтра в полдень. А потом, в течение дня, пойду к нему и скажу. Это правильный порядок. Сначала — женщина. Потом — мужчина. Не наоборот.

— А если их за это время убьют?

— Тогда я скажу раньше.

— Когда?

— Когда увижу, что время. Шквал, это моя забота, не твоя.

Налани наклонила голову.

— Хорошо.

Они помолчали.

Очаг почти догорел. За окном начало светать — небо в верхнем углу окна посерело. Иссара устало откинулась в кресле.

— Сейчас, — сказала она, — мы попьем ещё чая. Потом я ещё немного поговорю с тобой об одном человеке, который, может быть, поможет тебе по портовым делам. Потом ты пойдёшь с Айри в город. И к полудню, когда Вера ко мне придёт, тебя здесь уже не будет. Хорошо?

— Хорошо. — Налани помолчала. — Иссара.

— Что?

— Кто этот человек?

— В порту у меня живёт мальчик. Его зовут Кай’ри. Он не человек. Он морской оборотень — последний из своего вида, насколько мне известно. Его не видели в Сар-Аммате чужие глаза десять лет. Он живёт у одной старухи-травницы и притворяется её правнуком. Он будет тебя слушаться, потому что я попрошу. Он умеет проникать туда, куда ты не можешь — в воду, в трюмы, в нижние подвалы. Возможно, ты с ним подружишься. Возможно, нет. Главное — он будет тебе помогать.

— Морской оборотень.

— Морской оборотень.

— Сколько ему лет?

— На вид — двенадцать. На самом деле — больше ста.

Налани усмехнулась.

— Что-то ваш мир сегодня кишит сюрпризами, — сказала она.

— Мир всегда кишит сюрпризами. Это ты сегодня в первый раз остановилась посмотреть.

Вера проснулась поздно. Никто её не будил — ни Тэо, ни Айри, ни Иссара. Она проснулась сама, потому что в маленькое окно её спальни уже било утреннее солнце, и потому что она наконец выпалась.

Она встала. Привела себя в порядок. На стуле рядом с кроватью лежал её перламутровый диск-жетон на цепочке — она, оказывается, сняла его перед сном; она не помнила, чтобы снимала. Надела. Диск опять был холодный сначала, потом — тёплый.

В коридоре её ждала Айри.

— Доброе утро, госпожа. Госпожа Иссара ждёт вас в кабинете. Госпожа Налани ушла на рассвете.

— Куда?

— По делам госпожи Иссары. Вам туда сейчас не нужно. Госпожа Иссара всё объяснит.

Вера кивнула. Пошла за Айри. В покоях Иссары в кабинете — небольшой комнате с окном, выходящим во внутренний сад, и с длинным столом, заваленным свитками, — старуха сидела у стола с двумя чашками чая. Чашки были горячие. Вера села напротив.

— Дочь моря, — сказала Иссара. — Сегодня — твой день медленный. Никаких трибуналов, никаких процедур, никаких микроскопов. Сегодня ты делаешь только две вещи. Первое — проверяешь Аэдриса после первой ванны и решаешь, как продолжать. Второе — слушаешь.

— Что слушаю?

— Меня. О жемчужине. Я тебе обещала вчера, что мы поговорим. Сегодня — поговорим.

Иссара поставила свою чашку. Сложила руки на столе. И заговорила.

— Жемчужина у дракона, — сказала она, — это орган. Как сердце или печень. Только у каждого дракона он один и неповторимый. Он начинает формироваться в утробе матери, на четвёртом месяце беременности, как маленькая крупинка перламутровой ткани в районе грудины. К моменту рождения это уже размером с горошину. К семи годам — с лесной орех. К пятидесяти — с большое перепелиное яйцо. К пятистам — с куриное. У самых старых драконов, проживших по тысяче лет, — с гусиное.

— Из чего она состоит?

— Перламутр. Слой за слоем. Как обычная морская жемчужина, которую делают устрицы. Только этот перламутр содержит информацию. Не такую, как у тебя в книгах, не словами. Информацию глубже слов. Кто ты, кто были твои предки, кого они любили, что они помнили. Память тысячи поколений, спрессованная в крупинку, потом в орех, потом в яйцо. Это нельзя прочесть как книгу. Это можно только слушать — и то не всегда, и то не всем.

— Аэдрис рассказывал. Про «слушать камень».

— Да. После смерти жемчужину извлекают, и она становится реликвией. Молодые драконы приходят в храм и сидят рядом с жемчужинами предков. Слышат — иногда. Аэдрис, как

он тебе сказал, ходил. Не слышал ничего. Это не значит, что предки молчат. Это значит, что они выбрали с ним не разговаривать.

— Почему?

Иссара помолчала.

— Дочь моря. Я отвечу честно. Не знаю. У меня есть предположения, но это длинный разговор, и сегодня я к нему не готова. Спросим в другой день. Сейчас — продолжим о главном.

— Хорошо.

— Жемчужина — это не только память и сон. Жемчужина — это выбор. Когда дракон проживает достаточно долго и встречает того, кого его жемчужина — не он сам, а жемчужина — признаёт парой, в жемчужине начинается процесс, который у нас называется делением. От большой жемчужины отделяется маленькая, размером с горошину. Она зреет ещё некоторое время — обычно несколько месяцев. И когда она созревает, дракон может отдать её своей избраннице.

Вера долго смотрела на Иссару. Подумала.

— Как именно отдать? — спросила она ровно.

— Через ритуал. Через обмен дыханием. Это происходит в особенном месте, под луной. Дракон выдыхает малую жемчужину через горло, избранница её проглатывает. Она растворяется внутри неё. И с этого момента — у избранницы внутри есть кусок дракона. А у дракона — есть постоянная связь с избранницей.

— И что это даёт?

— Много. Я не буду перечислять всё сегодня. Скажу главное. После Связи — у избранницы замедляется старение. Она будет жить не сто лет, а триста или четыреста, или пятьсот. И ещё — она и дракон могут чувствовать друг друга на расстоянии, могут чуть-чуть слышать мысли друг друга, могут вместе ходить во сне. Это очень глубокая связь. Это, пожалуй, самая глубокая связь, которая бывает между двумя существами в нашем мире.

— Это — то, что я бы назвала бессмертием?

— Нет. Это не бессмертие. Бессмертие достигается ещё одним этапом, который называется Слиянием. Слияние — это уже другая история. До него нужно дойти, и многие пары не доходят. Это всё в будущем, если будет. Сейчас тебе нужно знать только Связь.

— А если избранница откажется?

— Тогда малая жемчужина остаётся в драконе. Она не отомрёт — она будет лежать рядом с большой. Но дракон не сможет выбрать другую. Жемчужина выбирает один раз. Если её предложили и не приняли — она будет лежать, пока дракон не умрёт. И жемчужину тогда извлекают вместе с маленькой, и хоронят как одну.

— То есть это серьёзный шаг.

— Это очень серьёзный шаг, дочь моря. Не серьёзнее, чем для тебя в твоём мире — иметь ребёнка. Но и не менее.

Вера долго молчала. Смотрела в чашку. Чай был горячий, дымящийся, чуть пряный.

— Иссара, — сказала она. — Я понимаю, к чему этот разговор.

Иссара посмотрела на неё.

— Я знаю, что ты понимаешь.

— Но я хочу, чтобы вы прямо это сказали. А я бы сама услышала и переварила.

Иссара кивнула.

— Дочь моря, — сказала она спокойно. — У Аэдриса начала делиться жемчужина. Это произошло позавчера утром, когда ты впервые положила палец на его ключицу. Тот тёплый разряд, который вы оба почувствовали, — это первая реакция жемчужины на тебя. Узор на его сердцевине, который, как он сказал, изменился, — это внешний признак того, что внутри начался процесс. У избранниц при этом процессе появляется на коже метка — тонкий перла-

мутровый узор, повторяющий узор драконьей сердцевины. У тебя её пока нет, я смотрела. Но скоро будет. Я думаю — через несколько дней. Может быть, через неделю.

Вера закрыла глаза. Открыла. Посмотрела на свои руки на столе. Ничего не сказала.

— Я тебе говорю это сейчас, — продолжила Иссара спокойно, — потому что ты задала вопрос и сама хочешь знать. И ещё потому, что Веран — узнает. Он, скорее всего, уже знает. Иначе он бы не торопился. У него теперь есть основания тебя убрать очень быстро, до того как метка появится у тебя на коже. И мы должны быть к этому готовы.

— Иссара, — сказала Вера. Голос у неё вышел спокойный, но низкий — как у уставшего человека. — Что от меня хотят? От меня лично? Этот процесс, эта жемчужина, этот выбор — это не я. Это его жемчужина. Я тут как... как кусок мяса, на который запала его внутренняя химия. Это меня не спрашивали. Это меня сюда притащило море. Я не подписывалась.

— Знаю.

— Меня к нему привязывает не моё решение, а его жемчужина. Это нормально с точки зрения вашего мира?

— Не нормально, дочь моря.

Вера удивилась.

— Не нормально?

— Не нормально. И я тебе скажу почему. — Иссара отпила чая. Поставила чашку. — Жемчужина — это тело дракона. Тело дракона иногда выбирает раньше, чем разум. Но это не значит, что разум обязан подчиняться. Жемчужина может предложить. Может попытаться. Но Связь — это сознательный акт обоих. Если ты скажешь — нет, и если Аэдрис, даже зная, что его жемчужина выбрала, скажет — я уважаю её отказ, — Связь не состоится. Никогда. Никакая магия в нашем мире не может тебя принудить, и никакая магия не может принудить его. Жемчужина выбирает, кто мог бы быть его парой. Парой ты становишься или нет — это уже разговор между вами двумя.

— И никакой принудилочки.

— Никакой.

— Аэдрис это знает?

— Аэдрис пока не знает даже того, что у него делится жемчужина. Он заметил только, что узор изменился. Я ему скажу — сегодня. После того как мы с тобой закончим. Это правильный порядок: сначала женщина, потом мужчина.

Вера посмотрела в окно. По стеклу медленно ползла маленькая ярко-зелёная ящерка. Она зацепилась за деревянную раму, подняла треугольную головку, посмотрела на Веру одним круглым глазом и осталась так стоять.

— Иссара, — сказала Вера.

— Что?

— Знаете, что мне сейчас сложнее всего понять?

— Что?

— Не жемчужину. Не Связь. Не то, что у дракона в груди живёт камень, который выбирает невест. У меня в работе бывало и страннее. Сложнее всего понять то, что я не сожалею.

Иссара медленно подняла бровь.

— Что?

— Я не сожалею. — Вера повернулась к ней. Лицо у неё было — Иссара это заметила — впервые за три дня открытое. — Я только что узнала, что у мужчины, которого я лечу третий день, в груди есть камень, который меня выбрал. Я только что узнала, что моя жизнь, скорее всего, теперь не моя. Я только что узнала, что моя смерть от руки человека в маске была не случайной, и что меня и дальше будут убивать, пока я тут. И знаете, что — я. Не. Сожалею. Я бешусь — да. Я устала — да. Я хочу домой кормить кошку — да. Но не сожалею, что я тут оказалась. Это самое странное, что со мной происходит за эти дни. Я не сожалею.

Иссара смотрела на неё очень долго.

— Дочь моря, — сказала она наконец. — Ты не сожалеешь, потому что он тебе уже интересен. Не только как пациент. Это видно. Это видно мне, шестьдесят лет наблюдающей за тем, как люди смотрят на драконов. Я не говорю, что ты в него влюблена, — это слишком рано, ты знаешь его три дня. Я говорю, что между вами уже что-то происходит, и жемчужина к этому отношения почти не имеет. Жемчужина выбрала, потому что увидела то, что и у тебя в глазах было ещё до её решения.

— Это так очевидно?

— Мне — да. Я долго живу, и я долго смотрю на людей. Но это не значит, что я права. Это значит только, что я вижу симптом. Симптом — не диагноз. Может быть, через неделю ты увидишь его иначе и поймёшь, что я ошиблась. Я не настаиваю, дочь моря. Я просто говорю — то, что я вижу.

Вера ничего не сказала. Подумала. Поняла, что не возражать против слов Иссары — это тоже своего рода ответ. Промолчала.

— И ещё одно, дочь моря.

— Что?

— Это не значит, что ты не имеешь права уйти. Если завтра ты решишь, что хочешь домой — мы будем искать способ. Если послезавтра ты решишь, что хочешь остаться — мы будем устраивать жизнь здесь. Если на третий день ты решишь, что хочешь Связи, — мы поговорим о ней. Если на четвёртый — что не хочешь, — Аэдрис будет жить как жил. Это твой выбор. Никто из нас не сделает его за тебя.

— Хорошо, — сказала Вера. Подумала. — Иссара. Я ещё об одном спрошу.

— О чём?

— Аэдрис болен. Болезнь его, вы сами сказали, — оружие. Это значит, его травят, чтобы он не успел сделать выбор. Если я его вылечу — выбор станет возможным. Это значит, что моё лечение — это и есть то, что бесит Верана больше всего.

— Да.

— Тогда у нас не тридцать дней. У нас столько, сколько Веран нам отпустит, прежде чем сделать что-то более серьёзное, чем подослать наёмницу.

— Да.

— Сколько у нас на самом деле?

Иссара помолчала.

— Если бы я знала точно, я бы тебе сказала. Я думаю — десять-пятнадцать дней до того, как он попробует что-то серьёзное. Может быть, попытается ускорить отравление. Может быть, попытается ускорить политическое давление. Может быть, ещё что-то. Но в пределах двух недель — точно.

— Тогда нам нужно ускоряться.

— Нужно.

— И я хочу видеть Аэдриса сегодня. И поговорить с ним. Не как с пациентом. Как с человеком.

— Сегодня вечером он у себя. Он тебя ждёт после ванны. И я к нему зайду до этого, отдельно, по своему делу. Он будет к разговору готов.

— Хорошо.

Они помолчали. Иссара поднялась — медленно, опираясь на трость.

— И ещё одно, дочь моря.

— Что?

— Сегодня в порту, у дома моей знакомой травницы, тебя ждёт мальчик. Его зовут Кай'ри. Он будет работать с Налани. Но я хочу, чтобы ты с ним познакомилась. Не сейчас,

может быть, через несколько дней. У него есть к тебе вопрос. К врачу. Это не моя тайна, я не буду тебе её сейчас рассказывать. Но в нужный момент — ты помоги ему. Хорошо?

— Хорошо.

— И поешь. Завтрак на столе.

Иссара вышла. Вера осталась одна. Маленькая зелёная ящерка на оконной раме всё так же смотрела на неё одним глазом. Под рубашкой, на левой ключице, перламутровый диск был тёплый, и под ним кожа была горячее обычного.

«Метка, — подумала Вера. — Дни. Может быть, неделя.»

Она допила чай. Встала. Вышла. У неё было много работы.

Глава 9. Кай’ри

Кай’ри жил в трёх улицах от порта.

Это была не та часть Сар-Аммата, которую Вера могла бы вообразить заранее. Она ожидала увидеть какое-нибудь убежище — потайной подвал, заколоченный дом, маленькую келью с зашторенными окнами. То, что подобает последнему представителю исчезнувшего народа, который десять лет прячется в столице.

Дом старухи-травницы оказался обычным.

Узкий, в два этажа, с белёными стенами и плоской крышей, поросшей мелкой травой. У входа — две большие глиняные кадки с какими-то ползучими растениями. Над дверью — связка сушёных трав, серая и пыльная. По обе стороны двери — низкие лавки, и на одной из лавок сидел старик, чинивший рыболовную сеть.

Айри постучала. Дверь открыла женщина лет семидесяти, невысокая, в просторном сером платье и переднике, с белыми волосами, собранными в плотный узел. Она посмотрела на Айри, потом на Веру, потом обратно на Айри.

— Это та?

— Это та, — сказала Айри.

Старуха кивнула. Отступила, пропуская их внутрь.

— Заходите. Он наверху.

Внутри пахло травами — сильно, густо, как в хорошей аптеке. Висели пучки сушёного — Вера узнала только мяту и ромашку, остальное было незнакомым. На полках стояли глиняные горшки с подписями. У окна — длинный стол с весами и ступкой. На столе — недоделанная работа, аккуратно отложенная: разложенные по цветам мелкие сухие листья, маленькие весы со стрелкой, тонкий нож. Вера, ветврач, узнала эту картинку мгновенно — так выглядит рабочее место профессионала, которого прервали на середине.

— Меня зовут Тара, — сказала старуха. — Я травница. Я мать этому дому. Госпожа Иссара меня знает уже шестьдесят лет, и я её знаю столько же, и поэтому она прислала вас сюда, а не куда-нибудь ещё. Перед тем как вы пойдёте наверх, я хочу вам сказать одну вещь.

— Слушаю.

— Кай’ри — мой правнук. Это легенда. На самом деле он мне никто. Он живёт здесь десять лет. Я его кормлю, прячу, защищаю и буду делать это до своей смерти. Никто в этом городе, кроме меня и теперь вас, не знает, кто он на самом деле. Если вы скажете кому-то — я не знаю, что с вами сделаю, но что-нибудь сделаю.

Тара сказала это совершенно спокойно. Без угрозы, без нажима, скорее с интонацией работника, объясняющего технику безопасности.

Вера кивнула.

— Не скажу.

— Хорошо. Тогда наверх. Лестница за вон той занавеской.

Вера прошла. Айри осталась внизу с Тарой — Вера через занавеску слышала, как они тихо заговорили, как старые подруги, которым не виделись несколько месяцев. Лестница была узкая, деревянная, со скрипом на третьей ступеньке. Наверху — маленькая комната с одним окном, выходящим во внутренний двор.

И в этой комнате, на низком сундуке у окна, сидел мальчик.

На вид — двенадцать. Худой, длинный для своих лет, с длинными чёрными волосами, собранными в небрежный хвост на затылке. Кожа смуглая, но с холодноватым оттенком — как у людей, которые проводят много времени в холодной воде. Лицо широкое в скулах, с большими глазами, и эти глаза были тёмные, почти чёрные, но с какой-то странной перламутровой

плёнкой, как будто внутри них стояла очень тонкая жидкость. Одет в простую льняную рубашу и широкие штаны до колен. Босиком.

Он не повернул головы, когда Вера вошла. Смотрел в окно.

— Кай'ри, — тихо сказала Вера.

Он повернулся. Очень медленно. Посмотрел на неё в упор. И только потом сказал — голос у него был не как у ребёнка, не как у взрослого, а где-то посередине: чистый, спокойный, без интонаций:

— Ты пахнешь как утро после дождя на тёплых камнях.

Вера моргнула. Это было не приветствие. И не комплимент. Это был диагноз — мальчик описал её, как описывают пациента.

— Спасибо, — сказала она. — Здравствуй.

— Здравствуй. Иссара сказала, что ты придёшь. Я тебя ждал.

— Долго?

— Десять лет.

Сказал он это с той же ровной интонацией, без улыбки, без иронии. Вера не нашла, что ответить. Подошла, села на низкую табуретку напротив сундука, на полу. Так они оказались лицом к лицу примерно на одной высоте.

— Кай'ри, — сказала она. — Я ветеринар. Это значит — лекарь для животных. Иссара сказала, что у тебя ко мне есть вопрос как к лекарю. Расскажи.

Мальчик долго на неё смотрел.

— Ты лечишь императора, — сказал он наконец.

— Лечу.

— У него грибок.

— Откуда ты знаешь?

— Иссара сказала. И я чувствую запах через тебя. У тебя на руках пахнет той же гнилью, что на нём.

Вера невольно посмотрела на свои руки. Конечно, она утром тщательно мыла их вином после работы с образцами, но мальчик, видимо, чувствовал что-то очень тонкое — то, что обычный нос пропустит. Это было профессионально интересно.

— У тебя хорошее обоняние, — сказала она. — Расскажи, что у тебя.

— У меня — другое. — Кай'ри помолчал. — У меня не болезнь. У меня — поломка.

— Объясни.

Мальчик подумал. Подбирал слова. Это было видно — он не быстро говорил, не как обычные дети, которые торопятся выложить всё разом. Он подбирал каждое слово, как подбирают мелкие предметы из ящика.

— Я — морской оборотень, — сказал он. — Раньше нас было много. Сейчас, кажется, остался только я. Мы можем превращаться. Из этого облика — в облик морского дельфина. Это называется у нас уходом. Морской — это наша основная форма. Эта, человеческая, — она для жизни на суше. Я в ней не должен сидеть десять лет. Я должен был уйти — то есть превратиться в основную форму и жить в море — давно, лет шесть назад. Но я не могу.

— Что значит «не могу»?

— Я пытаюсь. Я закрываю глаза, я делаю всё, что мать научила. Превращение начинается. Я чувствую, как тело идёт в воду. Тело хочет туда. А потом — что-то держит. Где-то здесь. — Он показал рукой на левую сторону груди, чуть ниже ключицы. — Что-то держит, и тело останавливается. Половину дороги прошёл — и стоп. Превращения нет. Только болит, и тошнит, и я падаю.

— Сколько раз ты пробовал?

— Сначала каждый день. Потом — раз в неделю. Потом раз в месяц. Сейчас — раз в год. Последний раз пробовал прошлой зимой. То же самое.

— И никто не знает, в чём дело?

— Никто. У меня не у кого спросить — моих больше нет. Мать умерла, когда мне было два года. Отец и братья — раньше. Старики, которые могли бы научить, — мертвы все. Я последний.

Вера долго молчала.

— Кай'ри. Ты говоришь, что тебе двенадцать, но Иссара сказала, что тебе больше ста.

— Сто двадцать три. По нашему счёту. На вид — двенадцать, потому что я застрял. Когда мы не уходим вовремя в воду, мы перестаём расти. Так у нас в семье говорили. Я застрял в двенадцати, потому что в двенадцать я в первый раз попробовал и не получилось.

— Ты вырос бы взрослым, если бы тогда получилось?

— Я был бы сейчас, в свои сто двадцать три, в самом расцвете. У нас расцвет — около ста сорока. Долгая жизнь, но и долгое детство.

Вера переварила это. Подумала.

— Хорошо, — сказала она. — Я ничего тебе сейчас не обещаю. Я не знаю твоего вида. Я не знаю физиологии превращения. У меня нет учебника, у меня нет наставника, у меня нет коллеги, с которым можно было бы посоветоваться. Но я хочу сказать тебе одно. Я попробую. Я хочу тебя осмотреть. Не сейчас. Сейчас у меня нет времени, и нет нужных инструментов. Через несколько дней я приду к тебе сюда, с инструментами, и осмотрю. Прощупаю то место, где у тебя «держит». Послушаю. Может быть, посмотрю под микроскопом, если что-то найду на коже. И буду думать.

— Ты не боишься?

— Чего?

— Меня лечить. Мы морские. Не из вашего мира. В детстве мать говорила, что нас все боятся.

— Кай'ри, — Вера улыбнулась. — Я ветеринар. Я лечу попугаев, питонов, варанов, один раз мне принесли карликовую сову с инфарктом. Я не боюсь биологии, которой я раньше не видела. Я её уважаю. Это разное.

Мальчик долго на неё смотрел.

— Я тебя пока не понимаю, — сказал он. — Но мне кажется, что ты подходишь. Иссара хорошо выбрала.

— Спасибо.

— Ещё одно.

— Да.

— Если ты сможешь меня починить — я твой. Я буду делать всё, что ты скажешь. Я буду ходить с тобой. Я буду носить твоё. Я буду нырять туда, куда тебе нужно. Это у нас называется долг моря. Это серьёзная клятва. Я её даю заранее, потому что я знаю, что ты не подведёшь.

Вера долго смотрела на этого худого мальчика на сундуке. У неё в груди что-то медленно случилось. Не от страха и не от жалости. От чего-то третьего, для чего у неё пока не было слова.

— Кай'ри, — сказала она. — Я не возьму с тебя клятву заранее. Это раз. Не давай долг моря тому, кто ещё не сделал. Если я сделаю — мы поговорим тогда. Это два. И сейчас от тебя мне нужно только одно — ты помогаешь Налани. Делай это хорошо. А я в это время займусь твоим вопросом — параллельно.

Кай'ри кивнул. Очень коротко, как кивают мужчины, а не дети.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда — иди. У тебя император ждёт.

Вера встала. Поклонилась — не глубоко, головой, как кланялась бы коллеге. Кай'ри в ответ наклонил голову — той же глубины. Это было серьёзно и красиво, и Вера, спускаясь по узкой деревянной лестнице, поймала себя на том, что улыбается.

Внизу её ждали Айри и Тара. Тара перебирала в это время мелкие сухие листья на столе.

— Что ж, дочь моря, — сказала старуха. — Видела его?

— Видела.

— Ну?

— Я не знаю пока, в чём дело. Но я хочу попробовать.

Тара кивнула. Положила тонкий нож, который держала в руке. Посмотрела на Веру снизу вверх — она была на голову ниже.

— Дочь моря, — сказала она тихо. — Это мой ребёнок. Помоги ему. Просто, чтобы ты знала.

— Я постараюсь, — сказала Вера.

Тара кивнула. Отступила к столу. Сделалась снова обычной старухой-травницей.

Они с Айри вышли. На улице яркое солнце ударило в глаза, и Вера на минуту зажмурилась.

— Айри, — сказала она, садясь в паланкин. — Это нормально, что я сейчас немного потрясена?

— Очень нормально, госпожа, — сказала Айри серьёзно. — Я была потрясена, когда впервые увидела Кай'ри. Я думала, что больше так не буду — но каждый раз, когда его вижу, удивляюсь заново.

— Он странный.

— Он не странный. Он один. Это другое.

Вера на это не ответила. Откинулась на подушку. Паланкин качнулся и пошёл — обратно во дворец, к долгому дню, который ещё не закончился.

Глава 10. Разговор о важном

К Аэдрису она пришла в шесть вечера.

В этот раз не Айри, а гвардеец проводил её — у нижней лестницы башни ей кивнули, проверили перламутровый диск на цепочке, открыли дверь. Башня в этот час была залита косым закатным светом — он шёл из узких окон по всей высоте лестницы и ложился ровными жёлтыми полосами на каменный пол. Вера поднялась по витой лестнице на верхний этаж — без сопровождения, одна, с маленькой сумкой через плечо.

У дверей покоев — двое стражников в тёмно-синем. Кивнули. Один из них постучал, негромко, в дверь.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Вера вошла.

Личные покои Аэдриса выглядели так же, как в первый раз, когда она их видела, — большая круглая комната, выходящая окнами на три стороны, низкое широкое ложе, стол, кресло, подставка с книгами, полка с камнями. Только сейчас было пусто. Никаких Аммаров, никаких советников. Только Аэдрис.

Он сидел у окна, в том же кресле, что и в первый день. На столике рядом с ним — чашка с тем самым горячим, которое он пил в её первый визит. Книга, раскрытая страницей вниз. Маленькая лампа — масляная, на изящной подставке. И всё.

Когда она вошла, он повернул голову. Поставил чашку. Поднялся.

И тут Вера впервые за все эти дни увидела разницу.

Он встал легче. Без той заметной паузы перед движени

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.